
МОЯ АННЕТТ
ХЛЕБ И ГРАНИТ

Моя Аннетт

Хлеб и Гранит

«Литнет»

2026

Аннетт М.

Хлеб и Гранит / М. Аннетт — «Литнет», 2026

Думаете, ваш день не задался? А как вам такое: мой муж стер меня из нашего общего ювелирного бизнеса прямо на грандиозном запуске коллекции. При всех. Под вспышки камер и звон бокалов с безалкогольным шипучим напитком, который внезапно стал на вкус как пепел. ПОДПИШИСЬ, чтобы не пропустить выход новых глав, горячие новинки и эксклюзивные бонусы. Артур — гений, визионер и… хладнокровный нарцисс. Он решил, что я — «устаревший интерфейс», который пора заменить на 22-летнюю инфлюенсершу в изумрудном шелке. В итоге: счета заблокированы, элитная квартира на Крестовском опечатана, а я стою под ледяным питерским ливнем в промокших замшевых шпильках и с одним чемоданом.Единственное место, куда меня пустили погреться (просто пожалев посреди ночи) — полуподвальная ремесленная пекарня в мрачном дворе на Петроградке.Теперь мой мир пахнет не селективными духами, а кардамоном, дикой закваской и мокрым гранитом. А моим боссом за пятьсот рублей в час оказался Даниил — хмурый, татуированный пекарь с деревянной лопатой в одной руке и самым честным отношением к жизни в другой. Он называет меня «чудом в кашемире» и ждет, когда я сломаюсь и сбегу обратно в свои закрытые клубы.Артур думает, что я уничтожена. Даниил думает, что я сдамся. Оба ошибаются. Я завяжу этот холщовый фартук, научусь чувствовать ритм теста и подам свою месть холодной. Как чистейший бриллиант. График выкладки - через день в 20:00 МСК

© Аннетт М., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Идеальный фасад на Крестовском 6
Глава 2. Бриллианты и холодный пот 9
Глава 3. Психологический расстрел 12
Глава 4. Ночной побег в никуда 16
Глава 5. Тепло дикой закваски 20
Глава 6. Гордость и шпильки на грязном полу 25
Глава 7. Сенсорный шок 30
Глава 8. Маски сброшены 34
Глава 9. Ночной дозор Петроградки 38
Глава 10. Профессиональная деформация 42
Глава 11. Шрамы прошлого 46
Глава 12. В самое логово 49
Глава 13. Полуночная химия 53
Глава 14. Прямое столкновение 57
Глава 15. Ультиматум нарцисса 61
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Глава 1. Идеальный фасад на Крестовском

Мой будильник не вибрирует и не орет дурным голосом. Он издает мягкий, почти деликатный звук — так звучит падение хрустальной слезы в пустой бокал. 6:00. В Петербурге это время принадлежит только чайкам, дворникам и тем, кто привык держать свою жизнь в стальной узде.

Я открыла глаза и ровно тридцать секунд смотрела в потолок, где по лепнине скользили серые блики Малой Невки. В нашей квартире на Крестовском острове всегда было слишком много света, слишком много пространства и слишком мало… жизни? Нет, Катя, не начинай. Жизни здесь как раз в избытке — самой качественной, отборной жизни класса «ультра-люкс».

Я села, ощущая кожей прохладу шелковой простыни цвета «пыльная роза». Мой день — это швейцарский часовой механизм, где каждая шестеренка смазана и начищена до блеска. Если я позволю себе расслабиться хотя бы на минуту, если выбьюсь из графика, вся эта конструкция из бриллиантов, репутации и семейного благополучия пойдет трещинами.

План на сегодня горел в моем Google-календаре неоновым приговором. — 6:15 — стакан теплой воды с лимоном. — 6:30 — йога (сорок минут концентрации на дыхании, чтобы не слышать собственного крика внутри). — 7:30 — душ, патчи, укладка. — 8:30 — завтрак. — 9:15 — выезд в офис.

В соседней спальне — у нас с Артуром разные спальни, «потому что нам обоим нужно личное пространство для восстановления сил» — было тихо.

На кухне пахло свежемолотым кофе. Я нажала кнопку кофемашины, и дом наполнился низким, уютным урчанием. Двойной эспрессо. Черный, как мои подозрения, которые я старательно заталкивала поглубже последние пару недель.

— Катерина, ты уже на ногах? — голос Артура прозвучал за спиной неожиданно.

Я обернулась. Мой муж выглядел так, будто сошел с обложки журнала. Идеально выбрит, в шелковом халате цвета темного шоколада, волосы зачесаны назад. Он подошел и коснулся губами моей щеки — формально, почти как печать на официальном документе.

— Важный день, Артур. Запуск «Северного сияния». Ты же помнишь, что к десяти приедут байеры из Эмиратов?

Он налил себе воды, не выпуская из рук смартфона. Его пальцы летали по экрану с пугающей скоростью. — Конечно, милая. Я всё помню. Ты подготовила отчет по логистике?

— Еще вчера в одиннадцать вечера, — я внимательно наблюдала за тем, как он резко перевернул телефон экраном вниз, когда на него пришло уведомление. — Что-то случилось? В офисе проблемы? Или… дома?

Артур вскинул брови. Его глаза, холодного серого цвета, были абсолютно непроницаемы. Порой мне казалось, что он сам выточен из платины в нашей мастерской. — Катя, ты опять начинаешь? Это просто рабочая почта. Не надо устраивать допрос в семь утра. Это выглядит… ну, знаешь, немного нелепо.

Слово «нелепо» в его устах всегда звучало как пощечина. Артур старался быть безупречным, и всё, что не вписывалось в его картину мира, немедленно маркировалось как «брак».

— Я просто спросила, — тихо ответила я, обхватывая горячую чашку пальцами. — Мы партнеры, Артур. И в жизни, и в бизнесе.

— Именно поэтому я забочусь о том, чтобы ты не забивала себе голову мелочами перед презентацией, — он улыбнулся, и эта улыбка была калиброванной. — Ты сегодня в кашемире? Тебе идет этот оттенок бежевого. Подчеркивает статус.

Я посмотрела на свое отражение в панорамном окне. Кашемировое пальто от Loro Piana ждало в гардеробной. Дорогая сумка, безупречный маникюр, туфли на шпильке, в которых я

научилась ходить так, будто это самые удобные кроссовки на свете. Я была идеальной витриной нашего ювелирного дома. Мозгом, сердцем и вывеской.

Дорога до офиса обычно занимала двадцать минут, если Петербург не решал замереть в утренней меланхоличной пробке. Артур сидел за рулем нашего семейного «Порше», а я на пассажирском сиденье просматривала на планшете последние правки к эскизам новой коллекции.

Бриллианты. Они должны были ослеплять. Коллекция «Лёд» была моей идеей от первого штриха до финальной полировки. Тонкие, почти невидимые нити платины и россыпь камней, создающих эффект замерзшей воды. Моя гордость. Моя броня.

— Нам нужно будет заехать в «Асторию» после обеда, — сказала я, не отрываясь от экрана. — Проверить расстановку света в зале. Если софиты будут давать малейшую желтизну, камни «потухнут». Нам нужен холодный, арктический спектр.

Артур молчал. Его левая рука лежала на руле, а правая… снова потянулась к телефону. Он быстро что-то печатал, и я видела отражение его лица в боковом стекле. Он улыбался. Не той деловой, выверенной улыбкой, которую он берег для инвесторов, а как-то иначе. Тепло. Иронично. По-настоящему.

— Артур! — я чуть повысила голос, когда он едва не задел зеркалом стоящую впереди машину.

— А? Да, свет в «Астории». Я распоряжусь, Кать. Всё будет на высшем уровне, — он мельком взглянул на меня. — Слушай, у меня сегодня вечером будет пара встреч после банкета… не жди меня к ужину.

— Встречи? В день нашего главного запуска? — я почувствовала, как внутри что-то неприятно екнуло. — Артур, это же наш вечер. Мы планировали отметить успех. Только вдвоем, без лишних глаз.

— Милая, не делай из этого драму, — он на мгновение отвлекся от дороги и бросил на меня взгляд, полный снисходительного раздражения. — Это бизнес. Ты сама всегда говорила, что личное должно стоять на втором месте, когда речь идет о масштабировании. Или ты передумала?

Я прикусила губу. Да, я это говорила. Я сама выстроила эту систему, где эффективность была важнее чувств. Но сейчас, глядя на его отстраненный профиль, мне захотелось содрать с себя это безупречное пальто и просто закричать, нарушая всю эту тишину салона премиум-класса.

— У тебя развязался шнурок на кроссовке, — внезапно заметил он, когда мы остановились на светофоре у Тучкова моста.

Я наклонилась, хотя знала, что мои шнурки всегда завязаны на идеальный двойной узел. И тут я увидела, что из бардачка, который Артур закрыл не до конца, торчит край какого-то документа. Обычно он не хранил там ничего, кроме страховки и сервисной книжки. Моя страсть к порядку сработала мгновенно.

— Закрой бардачок, — попросил он, заметив мой взгляд. В его голосе проскользнула сталь. — Там бумаги по закупке оборудования, не забивай голову ерундой перед презентацией.

Но мои пальцы уже потянулись к крышке. Внутри меня всё протестовало против этой торчащей бумажки. — Я просто аккуратно сложу, — пробормотала я.

Я открыла бардачок. Сверху, прямо на папке с логотипом сервиса, лежал плотный конверт из дорогой крафтовой бумаги. Без подписи. Просто золотое тиснение одного из самых дорогих спа-отелей Карелии. Того самого, куда невозможно попасть без брони за полгода и где конфиденциальность стоит дороже, чем проживание.

Мое сердце пропустило удар. — Что это? — я вытащила лист, игнорируя протестующий жест Артура.

— Катя, положи на место! — он попытался перехватить мою руку, но загорелся зеленый, и сзади нетерпеливо загудели.

Ему пришлось нажать на газ. Я быстро развернула распечатку.

«Подтверждение бронирования. Люкс с видом на Ладогу и террасой. 14–16 ноября. Количество гостей: 2».

14 ноября. Это послезавтра. Тот самый день, когда я должна улететь в Москву на международную выставку ювелиров. Одна. Без него, потому что Артур неделю убеждал меня, что у него «горят сроки по отчетности перед налоговой и он не может оставить офис».

Я почувствовала, как в машине стало нечем дышать. Воздух превратился в густой, липкий кисель. — Артур… 14 ноября? Ты собираешься в Карелию? С кем?

— Это… это должен был быть сюрприз, Катя! — он заговорил быстро, слишком быстро для человека, который обычно взвешивает каждое слово. — Я хотел устроить нам отдых сразу после твоей выставки. Решил, что ты вернешься на день раньше, и мы…

— Тут написано «14 ноября», — перебила я его севшим голосом. — В этот день я буду на открытии в Москве. Ты это знаешь.

Я потянулась глубже в бардачок, и мои пальцы нащупали еще один листок. Маленький чек из элитного бутика в «Пассаже». Дата — вчерашняя. Сумма с пятью нулями. Наименование товара: «Платье из натурального шелка, цвет изумрудный, размер 40».

Я ношу 44-й. У меня спортивные плечи и рост сто семьдесят пять. В 40-й я не влезу, даже если перестану есть и дышать на неделю.

Я замерла, глядя на этот клочок бумаги, который в одну секунду превратил мой безупречный мир в груду битого стекла. Изумрудный шелк. Не мой цвет. Не мой размер. Не моя жизнь.

— Изумрудное платье, — прошептала я, чувствуя, как внутри разливается такой холод, который не мог согреть никакой кашемир. — Артур, у меня никогда не было изумрудных платьев 40-го размера.

Артур молчал. Он вцепился в руль так, что побелели костяшки пальцев. Его телефон на приборной панели снова вспыхнул уведомлением. На этот раз я успела прочитать имя отправителя до того, как экран погас.

«Лика». И короткое, как выстрел в висок: «Жду не дождусь нашей поездки, любимый. Платье село идеально».

Мир за окном «Порше» продолжал жить своей жизнью. Питерские прохожие спешили по делам, Нева катила свои серые, равнодушные волны, а я сидела в капсуле стоимостью в десять миллионов и понимала: мой идеальный фасад только что рухнул. И под ним не оказалось ничего, кроме пыли.

— Катя, дай мне объяснить… — начал Артур, но его голос звучал так, будто он был за километры отсюда.

Я не слушала. Я смотрела на свои руки. На кольцо с огромным бриллиантом из коллекции «Северное сияние» на безымянном пальце. Камень был чист, как слеза. И так же холоден. Впереди маячило здание офиса, где через час я должна была играть роль успешной, счастливой женщины. Но всё, о чем я могла думать — это изумрудный шелк, который сегодня вечером будет касаться чужой кожи.

***

Дорогие читатели!

Большое спасибо, что заглянули в мою историю!

Добавляйте в библиотеку, чтобы не потерять и ставьте звездочку — это очень меня мотивирует :)

Подписывайтесь на меня, так мы точно не потеряемся:

https://litnet.com/shrt/hTgm

Глава 2. Бриллианты и холодный пот

В салоне «Порше» стало так тихо, что я слышала собственное дыхание — прерывистое, как у человека, которому только что нанесли удар под дых. Имя «Лика» все еще стояло перед глазами, выжженное на сетчатке неоновыми буквами.

Артур медленно, почти буднично, протянул руку и смахнул смартфон с приборной панели в глубокий карман своего кашемирового пальто. Его лицо, обычно безупречное и спокойное, сейчас напоминало маску, отлитую из холодного металла. Костяшки пальцев, сжимавших руль, побелели.

— Лика? — мой голос прозвучал чужим, севшим. — «Платье село идеально»?

Я смотрела на него, ожидая чего угодно: раскаяния, крика, оправданий. Но он молчал. Машины сзади неистово гудели — светофор у Тучкова моста уже дважды сменил цвет, но мы не двигались.

— Катя, не начинай, — наконец произнес он, не поворачивая головы. Голос был ровным, сухим, пугающе деловым. — Ты ведешь себя нелепо. Ты просто увидела какой-то спам.

— Спам? — я почувствовала, как внутри меня что-то с треском лопается. Моя выверенная, по линеечке выстроенная жизнь осыпалась острым стеклом. — В спаме не пишут про изумрудные платья сорокового размера и поездки в Карелию. В спаме не называют тебя «любимым», Артур!

Он резко нажал на газ, и машина рванула вперед, втискиваясь в поток. Резкий маневр заставил меня вжаться в кожаное сиденье.

— Послушай меня внимательно, — он бросил на меня быстрый, ледяной взгляд. — Сегодня важнейший запуск в истории компании. Через сорок минут в «Астории» соберутся люди, от которых зависит наше будущее на ближайшие пять лет. Байеры из Эмиратов, пресса, инвесторы. Ты действительно хочешь обсудить свои фантазии прямо сейчас, на глазах у всего города?

— Мои фантазии? Я видела чек, Артур! Я видела бронь!

— Это подарок для Марго, — отрезал он, перестраиваясь в левый ряд. — У нее был день рождения, и я поручил секретарю купить что-то приличное. Видимо, Лика — это менеджер в бутике или в отеле. А ты раздула из этого дешевую драму. Твой перфекционизм превращается в паранойю, Катя. Это выглядит… жалко.

Он лгал. Лгал так виртуозно и привычно, что на мгновение я сама засомневалась в своей адекватности. Это был его любимый прием — газлайтинг в чистом, дистиллированном виде. Он заставлял меня верить, что мои глаза лгут мне, а разум подводит.

— У Марго сорок шестой размер, — тихо сказала я, впиваясь ногтями в ладони через тонкую ткань пальто. — И она ненавидит изумрудный.

Артур резко затормозил у главного входа в «Асторию». Швейцар в ливрее уже шагнул к нам, готовый распахнуть дверь.

— Сейчас ты выйдешь из машины, — Артур повернулся ко мне, и в его глазах я увидела не мужа, а хищника, который зажал жертву в углу. — Ты наденешь свою самую ослепительную улыбку. Ты будешь сиять, представлять коллекцию «Лёд» и жать руки нужным людям. Если ты позволишь себе хотя бы один кислый взгляд или, не дай бог, сцену — я этого не забуду. Ты сама знаешь, как легко рушится репутация. Не заставляй меня делать то, о чем мы оба пожалеем.

— Ты мне угрожаешь? — прошептала я.

— Я напоминаю тебе о твоих обязанностях, — он перегнулся через меня и сам открыл мою дверь. — Выходи. На нас смотрят.

Зал «Зимний сад» выглядел именно так, как я планировала: арктический свет, ледяные скульптуры, которые не таяли благодаря ювелирно настроенному климату, и тихий, статусный гул сотен голосов. В воздухе плыл тяжелый аромат лилий, дорогого парфюма и озона.

Я двигалась по залу, как заведенный механизм. Улыбка — строго на тридцать два зуба. Взгляд — уверенный. Каждое слово — выверено. На мне было платье цвета «морозный серый», и я чувствовала себя в нем, как в кольчуге.

— Потрясающий масштаб, Катерина, — ко мне подошел господин Аль-Мансури, наш ключевой партнер из Дубая. — Ваша коллекция… это философия застывшего мгновения.

— Благодарю, — я слегка склонила голову, чувствуя, как за спиной возник Артур.

Он по-хозяйски положил руку мне на талию. Его пальцы слегка сжались на моей коже — я почувствовала этот жест не как ласку, а как предупреждение. На публике мы были парой с обложки. Идеальные, успешные, неразделимые.

— Катя превзошла себя, — голос Артура звучал бархатисто и тепло. — Она буквально жила в мастерской последние месяцы. Каждая грань в коллекции «Лёд» — это её заслуга.

Он наклонился, якобы чтобы поправить мне выбившийся локон, и прошептал в самое ухо, обжигая холодом: — Умница. Продолжай в том же духе. К нам идет пресса.

Весь вечер превратился в марафон вспышек. Мое тело работало на автопилоте, но внутри я умирала. Изумрудное платье. Лика. Карелия. Каждое слово в моем мозгу вспыхивало неоновой вывеской. Я смотрела на бриллианты в витринах — чистые, прозрачные, вечные — и понимала, что они куда надежнее людей. Камни не лгут. Они не обещают верности, чтобы потом предать в салоне немецкого авто.

Около десяти вечера, когда презентация была в самом разгаре, я на мгновение отошла в сторону, к фуршетной линии. Мне нужно было вдохнуть хотя бы глоток воздуха, не пропитанного лестью и фальшью. Я достала из клатча смартфон, чтобы проверить тайминг подачи десертов, и увидела уведомление, от которого сердце пропустило удар.

Письмо пришло на мою личную почту, но отправителем значилась Служба Безопасности нашего ювелирного дома. Тема: «Уведомление о начале внепланового аудита департамента логистики и закупок».

Мои пальцы дрогнули. Логистика — это была моя зона ответственности. Я лично курировала каждый контракт по поставке камней последние три года.

«Уважаемая Катерина Андреевна, — гласил сухой текст, — на основании распоряжения генерального директора, уведомляем вас о приостановке ваших полномочий на время проведения проверки по факту выявленных несоответствий в отчетной документации…»

Распоряжение генерального директора. Распоряжение Артура.

Я подняла глаза. Муж стоял в другом конце зала, окруженный кольцом журналистов. Он смеялся, что-то рассказывал, и в его позе было столько вальяжной уверенности, что меня обдало ледяным потом. Он не просто мне изменял. Он готовил мой профессиональный расстрел. Пока я выбирала камни и прорисовывала эскизы, он методично выбивал почву у меня из-под ног.

— Катя, всё в порядке? — ко мне подошла Марго, моя ассистентка. — Ты побледнела. Дать воды?

— Всё хорошо, Марго. Просто… душно. Слишком много света.

Я попыталась убрать телефон, но тут же заметила, что к нам направляется администратор отеля. У него был вид человека, которому поручили сообщить о крушении поезда.

— Катерина Андреевна, прошу прощения за беспокойство, — он замялся, поправляя галстук-бабочку. — Тут небольшая заминка. Флористы из студии декора просят закрыть остаток счета за дополнительные композиции. Они говорят, что платеж через бухгалтерию компании не прошел, а им нужно закрыть смену прямо сейчас.

— Нелепость какая-то, — я нахмурилась, пытаясь сохранить лицо перед Марго. — Наверное, технический сбой. Сумма большая?

— Около сорока тысяч, — вежливо ответил он.

— Хорошо, я сейчас закрою это со своей личной карты, чтобы не поднимать шум, — я достала из золотистого клатча свою карту. — Где терминал?

Мы отошли к стойке регистрации, скрытой за колонной. Я приложила карту к терминалу, ожидая привычного одобрительного писка.

Отказ. Операция отклонена банком.

Холод в груди стал осязаемым. — Наверное, сбой связи, — пробормотала я, чувствуя, как к горлу подкатывает комок. — Попробуйте еще раз.

Отказ. Операция заблокирована.

Этого не могло быть. На этом счету лежали мои личные гонорары за дизайн последней коллекции. Там было несколько миллионов, накопленных за годы. Мой личный «фонд свободы».

— У вас есть другая карта? — вежливо спросил администратор, но в его глазах уже промелькнуло это специфическое выражение — смесь жалости и подозрения.

Я потянулась за второй картой, и в этот момент смартфон в моей руке снова завибрировал.

Новое сообщение от банка: «Ваши счета заблокированы в соответствии с постановлением суда о наложении обеспечительных мер по запросу юридического лица».

Мир вокруг меня начал медленно вращаться. Шум вечеринки, звон хрусталя, смех гостей — всё это стало невыносимо громким, бьющим по нервам. Я рванулась к своему рабочему месту в зоне бэкстейджа, где на небольшом столике стоял мой корпоративный ноутбук. Мне нужно было войти в систему, понять, что происходит, проверить выписки.

Я открыла крышку. Экран вспыхнул логотипом «Северного сияния», а затем мгновенно сменился серым фоном с коротким текстом:

«Доступ заблокирован администратором системы. Ваши права доступа аннулированы. Пожалуйста, обратитесь в отдел кадров».

В этот момент я почувствовала за спиной чьё-то присутствие. Я обернулась. Артур стоял в метре от меня, держа в руке бокал с минеральной водой. Его лицо больше не было маской. На нем застыла торжествующая, холодная усмешка хищника, который только что захлопнул ловушку.

— Что-то случилось, дорогая? — тихо спросил он, и в его голосе не было ни капли сочувствия. — Вид у тебя такой, будто ты увидела привидение. Или… свои банковские выписки?

Я открыла рот, чтобы ответить, но звуки застряли в горле. В этот миг я поняла: мой идеальный фасад не просто треснул. Его планомерно сносили под корень. И человек, который обещал быть моей опорой, лично держал рычаг этого сноса.

Глава 3. Психологический расстрел

Из «Астории» я уходила почти бегом. Шум праздника, фальшивый смех, звенящие бокалы с шампанским и тяжелый аромат лилий — всё это внезапно стало невыносимым, давящим на барабанные перепонки. Лицо Артура, его холодная, торжествующая усмешка стояли перед глазами, как выжженное клеймо.

Я не помнила, как вызвала такси, как ехала сквозь размытые питерской изморосью огни набережных. В голове была только одна мысль: нужно добраться до офиса. Там, в моем кабинете, в сейфе лежали дубликаты договоров, накладные, моя личная рабочая тетрадь, где я записывала каждый шаг по закупкам якутского сырья. Я должна была найти доказательства того, что всё чисто. Что я не совершала никаких ошибок.

И вот теперь время перевалило за полночь.

В главном офисе ювелирного дома «Северное сияние» на Петроградской стороне пахло так, как пахнет в пустых операционных — кварцем, дорогим пластиком и ледяной пустотой. Отопление работало на минимуме, и я сидела в своем кабинете за столом из цельного массива беленого дуба, не снимая кашемирового пальто. Холод медленно пробирался под одежду, но я его почти не чувствовала.

На лакированной поверхности стола не было ни пылинки — мой ежедневник лежал строго параллельно клавиатуре закрытого и теперь абсолютно бесполезного ноутбука. Ручка Parker с серебряным пером смотрела острием строго на север. Мой идеальный порядок. Мой мертвый алтарь, на котором меня только что принесли в жертву.

Экран телефона настойчиво мигал синим. Тридцать два пропущенных от администратора «Астории» — флористы и декораторы всё еще пытались получить свои деньги. Двенадцать панических сообщений от Марго. Бесконечные уведомления от банковских приложений. Все мои счета горели тусклым серым цветом. *«Доступ ограничен. Обратитесь в обслуживающее отделение банка»*.

Дверь кабинета открылась без звука. Тихо, почти бесшумно, как открывается дверца дорогого сейфа.

Артур вошел, не снимая пальто. Его кашемировый воротник был слегка влажным от питерской измороси, а в руках он держал массивную кожаную папку на молнии — ту самую, в которой мы обычно возили на подпись контракты с инвесторами. Он выглядел уставшим, но это была усталость хищника, который завершил долгую, изнурительную охоту и теперь просто ждал, пока жертва перестанет дергаться.

— Ты не берешь трубку, Катя, — мягко сказал он, проходя вглубь кабинета. — Администратор отеля оборвал мне телефон. Пришлось закрывать счета за флористов со своей личной карты. Это… непрофессионально. Твой побег посреди презентации выглядел как признание поражения.

Я подняла на него глаза. Внутри меня всё выгорело дотла еще два часа назад, в «Астории», когда моя карта заблокировалась с позорным писком. Осталась только звенящая, холодная ярость.

— Непрофессионально? — мой голос не дрожал. Я долго тренировала этот тон для сложных переговоров. — Мои карты заблокированы, Артур. Мой корпоративный доступ аннулирован. Письмо об аудите… Это твоих рук дело? Ответь мне прямо. Без твоих излюбленных манипуляций.

Артур остановился у огромного панорамного окна, выходящего на темную гладь Малой Невки, по которой змеились отражения уличных фонарей. Он не спеша расстегнул одну пуговицу пальто. Под кашемиром безупречно сидел пиджак. Он создавал этот образ годами —

образ надежного, благородного мужчины, за которым любая женщина будет как за каменной стеной. Какая ирония. Эта стена просто обрушилась на меня, погребая под обломками.

— Да, моих, — спокойно ответил он, поворачиваясь ко мне лицом. — И я советую тебе понизить тон. В здании всё еще есть дежурная охрана. Не нужно устраивать сцен, которые завтра обсудит весь офис.

— Сцен? — я медленно поднялась из-за стола, опираясь ладонями о холодное дерево. Каждая деталь этого кабинета была выбрана мной, каждая текстура. И сейчас всё это казалось чужим. — Ты заблокировал мою жизнь, Артур! Ты обвиняешь меня в финансовых махинациях? Меня? Человека, который вел этот бренд от первого эскиза до сегодняшнего запуска? Я проверяла каждую накладную, я лично отбирала камни на биржах, я ночевала здесь, пока ты…

— Вот именно, Катя, — мягко перебил он меня. В его голосе не было злости — только бесконечное, удушающее снисхождение. — Ты проверяла каждую накладную. Ты так увлеклась своим мелким контролем, своими эскизами и идеальными графиками, что совершенно перестала замечать реальность. Ты превратила компанию в свой личный стерильный склеп. С тобой стало невозможно дышать. Ни мне, ни бизнесу.

— Не прикрывай свою банальную измену бизнесом, — процедила я, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. — Я видела бронь в Карелию. Я видела чек на изумрудное платье сорокового размера. Ты лгал мне в лицо сегодня утром в машине, рассказывая о подарке для Марго. Ты продолжаешь лгать и сейчас.

Артур вздохнул и покачал головой, будто общался с капризным, недалеким ребенком.

— Измена? Какое пошлое, обывательское слово. Мы взрослые люди, Катя. Наш брак давно стал красивым деловым контрактом. Тебе ведь нравился статус? Нравилась эта квартира на Крестовском, поездки в Милан, кашемир, бриллианты, которые ты носишь? Ты получала всё, что хотела. Но тебе этого мало. Тебе нужно контролировать мои мысли, мои переписки, мою жизнь. Ты задушила меня своей правильностью.

Он подошел к столу и положил на него кожаную папку. Молния разошлась с сухим, змеиным звуком.

— Я хочу представить тебе человека, который вдохнул в «Северное сияние» жизнь, пока ты сушила его своими таблицами и бесконечными проверками.

Артур повернулся к двери и негромко позвал: — Лика, зайди, пожалуйста.

Дверь снова открылась. В кабинет вошла девушка. Ей было от силы года двадцать два. Тонкая, с точеными ключицами и длинными темными волосами, рассыпанными по плечам. На ней было то самое изумрудное платье из натурального шелка. Оно мягко струилось по её фигуре, подчеркивая сороковой размер. Платье действительно село идеально. Оно выглядело живым, ярким, вызывающим на фоне серого кашемира и строгого стиля моего кабинета.

От нее пахло удушливо-сладким кокосовым парфюмом — дешевым, кричащим ароматом, который мгновенно заполнил всё пространство, вытесняя запах чистоты и дорогой кожи.

Лика не смотрела на меня. Она подошла к Артуру и осторожно, почти кошачьим жестом, коснулась его рукава. Её пальцы с ярким неоновым маникюром смотрелись на дорогой ткани его пальто как чужеродное, вульгарное пятно.

— Артур, мне как-то неловко… — прошептала она тонким, детским вокалом. — Может, я подожду в машине? Мне здесь неуютно.

— Всё хорошо, детка, — Артур накрыл её ладонь своей. Его взгляд, когда он смотрел на нее, стал другим — теплым, живым, по-настоящему увлеченным. Тем самым взглядом, которым он не смотрел на меня последние пять лет. — Катерина Андреевна — разумная женщина. Она всё понимает.

Этот контраст ударил меня под дых сильнее, чем новость о блокировке счетов. Я смотрела на эту девочку и видела в ней то, что безвозвратно потеряла сама — легкость, глупость, полное отсутствие груза ответственности. Артур нашел себе пластилиновую игрушку, из кото-

рой мог лепить всё, что угодно. А я была слишком твердой. Слишком цельной. Об меня можно было сломать зубы, и ему это надоело.

— Лика — новое лицо нашего бренда, — продолжал Артур, переводя на меня свой холодный, деловой взгляд. — Её блог имеет два миллиона подписчиц. Именно она будет представлять коллекцию «Лёд» для новой, молодой аудитории. Ювелирный дом должен развиваться, Катя. А ты тянешь его на дно своим консерватизмом и вечными придирками. Ты устарела. Твои идеи — это вчерашний день.

— Мои идеи принесли этой компании три миллиарда чистой прибыли за прошлый год, — тихо сказала я, чувствуя, как дрожат колени. Я медленно опустилась обратно на стул, стараясь сохранить остатки самообладания. — Ты не имеешь права отстранять меня. Я соучредитель. У нас равные доли.

— Был соучредителем, — поправил Артур. Он открыл папку и вытащил из нее пачку документов, скрепленных тяжелыми металлическими скрепками. — Последние три года ты лично подписывала акты приема-передачи сырья от наших якутских поставщиков. Помнишь?

— Конечно помню. Я лично проверяла каждую партию алмазов. Каждую спецификацию.

— Так вот, — Артур выложил перед со мной веер отчетов с синими печатями независимой аудиторской компании. — Согласно результатам внеплановой проверки, за последний год через твои отчеты прошли закупки технического алмазного сырья по ценам ювелирного. Разница оседала на счетах подставной компании в офшоре на Кипре. Подписи на всех ключевых документах — твои, Катерина Андреевна. Графологическая экспертиза уже подтвердила их подлинность.

Мир вокруг меня на мгновение потерял резкость. Звуки стали глухими, будто я оказалась под водой.

— Это ложь… — выдохнула я, вглядываясь в росчерки на бумаге. Это действительно была моя подпись. Мой характерный наклон, моя аккуратная петля. — Я никогда… Каждая сделка была чистой! Ты сам приносил мне эти документы на подпись! Ты говорил, что это внутренние субподряды, технические приложения…

— Попробуешь объяснить это следователю Экономической полиции? — Артур приподнял бровь. — Документы выглядят безупречно. Для закона ты — мошенница, которая годами обворовывала собственного мужа и партнера. Все доказательства собраны. Твой корпоративный ноутбук со всей перепиской уже изъят службой безопасности.

Я смотрела на него и понимала: это не было спонтанным решением. Он готовил это месяцами. Каждый документ, который он подсовывал мне между делом, каждая подпись, которую я ставила, доверяя ему как мужу — всё это собиралось в капкан. Он методично строил мою эшафотную площадь, пока я верила, что мы строим общую империю.

Лика рядом тихонько вздохнула и прижалась к его плечу плотнее. Её присутствие здесь было вершиной его извращенного триумфа. Он привел свою новую девицу, чтобы она лично видела, как он уничтожает женщину, которая создала его успех.

— Зачем, Артур? — тихо спросила я, чувствуя, как к горлу подступает удушливый ком. — Мы ведь начинали с нуля. В полуподвальной мастерской на Васильевском. Я рисовала эскизы на коленках, пока ты искал первых клиентов. Мы делили одну чашку кофе на двоих. Почему ты стал таким чудовищем?

Лицо Артура на мгновение дрогнуло, но маска безразличия тут же вернулась на место.

— Мы выросли из той мастерской, Катя. А ты так и осталась той девочкой, которая дрожит над каждой деталью и пытается всё контролировать. Ты стала занудной, холодной. Мне надоело заслуживать твое одобрение. Мне надоело быть вторым номером при «гениальном дизайнере Катерине Андреевне». Теперь я беру управление в свои руки.

Он выдвинул из папки последний документ — плотный лист бумаги с гербовой печатью. Это было соглашение о добровольном выходе из состава учредителей и передаче всех прав на бренд «Северное сияние» Артуру в обмен на закрытие внутреннего расследования.

— Здесь твоя подпись, Катя. Поставь её — и мы расстанемся тихо. Ты уедешь из города, начнешь всё сначала. Я даже оставлю тебе некоторую сумму на первое время. Считай это моей щедростью.

— А если я откажусь? — я выпрямилась, глядя ему прямо в глаза. — Если я пойду в суд? Если я найму лучших адвокатов и докажу, что эти подписи были получены обманом? Что ты манипулировал моей доверенностью?

Артур посмотрел на часы на своем запястье — те самые золотые часы, которые я подарила ему на тридцатилетие.

— У тебя нет времени на адвокатов, Катя. И денег на них тоже нет. Твои счета заблокированы в рамках обеспечительных мер по нашему иску. Но это еще не всё.

Он сделал паузу, и в этой тишине было слышно, как гудит вентиляция, гоняя по кабинету холодный воздух с навязчивым запахом кокоса.

— Код на замке нашей квартиры на Крестовском острове изменен три часа назад. Договор аренды переоформлен на юрлицо компании. Твои личные вещи уже упакованы в коробки и перевезены на склад временного хранения. Доступа туда у тебя тоже нет, пока ты не подпишешь этот отказ.

Каждое его слово падало на меня тяжелым, ледяным камнем. Они вышвырнули меня. Из моей квартиры. Из моей компании. Из моей жизни.

— Ты останешься на улице прямо сейчас, — продолжал Артур, его голос звучал пугающе обыденно. — На дворе глубокая ночь, идет дождь. У тебя есть ровно один час, чтобы подписать эти бумаги. Если через час этого документа не будет у меня на столе — завтра в девять утра папка с результатами аудита ляжет на стол следователю Главного управления МВД по Санкт-Петербургу. И поверь мне, обратного пути уже не будет. Тебя закроют в СИЗО в тот же день.

Он аккуратно положил ручку Parker рядом с документом. Та самая ручка, которую я так бережно хранила.

— Выбирай, Катя. Твоя гордость или твоя свобода. У тебя есть час. Мы подождем внизу, в машине.

Артур взял Лику за талию, прижимая её к себе, и они направились к выходу. У самой двери Лика обернулась и бросила на меня быстрый, полный торжества и легкой жалости взгляд. Дверь закрылась, отрезая их от меня.

Я осталась одна в огромном, холодном кабинете. В воздухе всё еще висел приторный, удушливый запах кокосового парфюма. Я посмотрела на лист бумаги, лежащий перед со мной. На нем чернели ровные строчки юридического текста, который должен был стереть меня из истории «Северного сияния».

Мои руки начали мелко дрожать. Я опустилась на стул, прижимая ладони к груди, пытаясь сдержать рвущийся наружу крик. Внутри меня ломались последние шестеренки моей идеальной, выверенной жизни.

Часы на стене кабинета монотонно отсчитывали секунды. Один час. Шестьдесят минут до того, как я официально стану никем.

Глава 4. Ночной побег в никуда

Я не подписала.

В гробовой тишине пустого кабинета звук моих часов на стене казался оглушительным, как удары метронома. Тик. Так. Ровно шестьдесят минут до того, как моя жизнь превратится в руины.

Когда ручка Parker с серебряным пером легла на плотный, пахнущий дорогой типографской краской лист соглашения, мои пальцы внезапно отказались сжиматься. Я просто смотрела на эту безупречно составленную бумагу. На строчки, которые должны были лишить меня всего — имени, дела, гордости — в обмен на призрачную «милость» человека, у которого этой милости никогда не было.

Если я подпишу сейчас, под давлением страха, я сама признаю себя виновной. Сама накину на свою шею петлю, которую Артур так заботливо затягивал последние месяцы.

— Я ничего не подпишу, Артур, — тихо произнесла я в пустоту кабинета.

Мой голос прозвучал глухо, но в нем впервые за этот бесконечный вечер появилась твердость. Я выпустила ручку из онемевших пальцев. Тяжелый Parker с тихим стуком покатился по лакированной поверхности дубового стола и замер у самого края.

Они ждали меня внизу. Там, на темной улице, у парадного входа стоял заведенный «Порше», мягко шурша шинами по мокрому асфальту. Артур наверняка поглядывал на часы на своем запястье, уверенный, что через сорок минут я спущусь — сломленная, покорная, готовая на любые условия, лишь бы сохранить остатки своего иллюзорного благополучия. Лика, прижавшись к его плечу, лениво листала ленту новостей на своем телефоне, вдыхая сладкий кокосовый шлейф собственного парфюма.

Они думали, что загнали меня в угол. Но они забыли одну деталь: я умею просчитывать ходы.

Времени думать не было. Через час Артур поймет, что я не приду, и запустит свою машину уничтожения. Мне нужно было бежать прямо сейчас. Но куда? На Крестовском замок заблокирован. Все мои счета заморожены.

Мой взгляд упал на узкий зеркальный шкаф в углу кабинета. Там, за вешалками с запасными блейзерами, стоял маленький серебристый чемодан Rimowa. Я собрала его еще позавчера для поездки на ювелирную выставку в Москву. Безупречный брючный костюм, шелковые блузы, базовый трикотаж, зарядные устройства, косметичка и документы — всё то, что я планировала взять с собой на три дня триумфа. Теперь этот чемодан стал моим единственным имуществом на этой пакостной, ледяной планете.

Я выдвинула телескопическую ручку, накинула на плечи промокшее кашемировое пальто и пошла к выходу. Но не к парадному. Я знала это здание как свои пять пальцев. Свернув в узкий коридор за зоной бэкстейджа, я спустилась по крутой пожарной лестнице и вышла через неприметную серую дверь служебного выхода во внутренний двор-колодец.

Холодный воздух сразу же ударил в лицо, но я почувствовала дикое, почти пьянящее облегчение. Я ускорила шаг, колесики чемодана глухо застучали по неровной брусчатке. Артур остался караулить пустую клетку у парадного подъезда.

Я миновала глухие железные ворота двора-колодца и через узкую, темную подворотню вышла на открытое пространство проспекта.

Питерская ночь встретила меня не просто дождем — ледяным, секущим шквалом с залива. Ветер гудел между доходными домами Петроградской стороны, как в гигантских органных трубах, выметая с улиц последние остатки тепла. Ледяная водяная пыль мгновенно облепила лицо, изморось осела на моих ресницах, смешиваясь с остатками туши. Тонкое кашеми-

ровое пальто, совершенно не приспособленное для пеших прогулок в бурю, сразу же промокло на плечах.

Мне остро требовалось укрытие, хотя бы на пару минут, чтобы просто перевести дыхание и сообразить, что делать дальше. Прямо на углу здания я заметила натянутый тканевый козырек закрытого на ночь ресторанчика. Я бросилась туда, волоча за собой тяжелый чемодан.

Встав под этот шаткий навес, я прижалась спиной к холодному стеклу витрины. Здесь ветер ощущался не так яростно, но снизу, от мокрого гранита, уже поднимался леденящий холод. Тонкие шелковые колготки совсем не грели, ноги ниже колен начали мелко дрожать.

Пальцы онемели и отказывались слушаться. Превозмогая дрожь, я достала из кармана телефон. Пять процентов зарядки. Экран тускло светился, отражая мое бледное лицо с размытыми тенями под глазами.

Я судорожно открыла приложение такси. Точка назначения: любой недорогой отель на Петроградке. Главное — крыша над головой на эту ночь, а утром я что-нибудь придумаю. Палец нажал на кнопку вызова.

Экран мигнул, и вместо привычного ожидания машины всплыла серая плашка: *«Ошибка оплаты. Пожалуйста, выберите другой способ или привяжите другую карту»*.

Сердце пропустило удар. Я попробовала переключить на вторую карту. Результат тот же. Третья — та самая блокировка. В моем кошельке не было ни одной бумажной купюры. Я слишком привыкла к бесконтактной оплате, к безупречному цифровому миру, где физические деньги казались анахронизмом. Мой красивый «цифровой мир» лопнул, как мыльный пузырь, оставив меня нищей под мокрым навесом.

В этот момент на перекрестке, всего в десяти метрах от моего укрытия, мигая желтыми огнями фар, притормозила старая серая иномарка с шашечками такси на крыше. Машина остановилась на красный сигнал светофора.

Это был шанс. Мой единственный шанс не остаться здесь до утра.

Забыв о холоде и гордости, я выскочила из-под козырька кафе. Преодолев широкую полосу тротуара, я шагнула прямо с гранитного бордюра в глубокую ледяную лужу на дороге, пачкая светлую замшу туфель. Плевать на туфли. Плевать на всё.

Я судорожно постучала в мокрое стекло пассажирской двери. Оно медленно поползло вниз. Из салона пахнуло дешевым хвойным ароматизатором и спасительным, сухим теплом. За рулем сидел уставший мужчина средних лет в потрепанной куртке.

— Девушка, вам куда? — хмуро спросил он, оглядывая мое мокрое пальто и дорогой чемодан.

— Пожалуйста, довезите меня до любого отеля поблизости. Ближайшего, самого простого, — я сглотнула сухой ком, чувствуя, как горит лицо от унижения. — Но… у меня проблема. Мои карты заблокированы банком. Это какая-то техническая ошибка, я разберусь утром, клянусь вам. Я могу перевести вам деньги на телефон прямо сейчас? Или… я могу оставить вам в залог золотую подвеску? Она стоит в сто раз дороже поездки.

Я судорожно потянулась к шее, пытаясь расстегнуть замок тонкой цепочки с бриллиантовой каплей — деталью из нашей первой, еще честной коллекции «Лёд». Но пальцы онемели от холода, превратившись в деревянные щепки. Замок не поддавался.

Водитель вздохнул, его взгляд стал жестким и скучающим. Такие истории на ночных улицах он, очевидно, слышал слишком часто.

— Девушка, какая подвеска? Мне план сдавать через два часа, заправляться надо. Золото ваше я куда дену? В ломбард ночью побегу? Наличка есть?

— Нет… — прошептала я, чувствуя, как слезы подступают к глазам. — Только карты. Пожалуйста, на улице ледяной дождь, я просто замерзну здесь.

— Извини, красавица. Ищи другого дурака. У меня семья, мне благотворительностью заниматься некогда.

Стекло с сухим шорохом поднялось обратно. Машина резко тронулась с места, обдав мои ноги грязным веером брызг из лужи. Капли воды потекли по подолу кашемирового пальто, оставляя темные уродливые пятна.

Я осталась стоять на самом краю тротуара, по колено в грязной воде. Мимо проносились редкие автомобили, их фары размывались в питерском тумане, превращая город в призрачный, чужой лабиринт. Никому не было дела до женщины в промокшем Loro Piana, которая еще три часа назад сияла на обложках бизнес-изданий.

— Соберись, Катя. Соберись, — прошептала я себе под нос, возвращаясь обратно на тротуар и изо всех сил сжимая холодную пластиковую рукоятку чемодана. — Ты не пропадешь. Ты найдешь выход.

Я пошла вперед, наугад, вдоль Большого проспекта. Колесики Rimowa жалобно и громко стучали по неровному мокрому асфальту. Этот звук казался мне оглушительным, привлекающим ненужное внимание редких прохожих. Каблуки туфель скользили по граниту, ноги подкашивались от усталости. Ветер бил в лицо, швыряя пригоршни ледяной воды. Пальто намокло и потяжелело, превратившись в мокрый панцирь, который больше не грел, а только вытягивал последние остатки тепла из тела.

Я снова посмотрела на телефон. Один процент. *«Устройство будет отключено»*. Экран мигнул и погас, превратившись в черное безжизненное стекло. Связь с миром оборвалась окончательно.

Меня захлестнула первая волна настоящей, первобытной паники. В голове стучала только одна мысль: я замерзну здесь. Настоящая питерская ноябрьская ночь не прощает ошибок. Это не романтичный город с открыток, это холодное, равнодушное чудовище из гранита и воды.

Я свернула под темную арку одного из доходных домов, надеясь найти хоть какое-то укрытие от пронизывающего ветра. Ноги сами несли меня вглубь двора-колодца.

Внутри было темно и тихо. Высокие, уходящие в свинцовое небо стены из облупившейся желтой штукатурки сжимали пространство, оставляя лишь крошечный лоскут неба над головой. Окна квартир были черными — люди спали, защищенные теплом своих домов. Под ногами хлюпала мокрая каша из снега и грязи.

Я прошла одну арку, вторую, окончательно запутываясь в лабиринте питерских проходных дворов. Ручка чемодана выскользнула из моих онемевших пальцев. Rimowa с глухим стуком завалился набок, прямо в грязную жижу.

Я попыталась наклониться, чтобы поднять его, но колени просто отказались меня держать. Ноги подкосились, и я осела на холодные каменные ступени, ведущие к какой-то полуподвальной двери.

В этот момент меня накрыло окончательно.

Это была не просто усталость — это был физический, удушающий стресс. Воздух внезапно стал густым и колючим, как битое стекло. Я попыталась сделать вдох, но легкие словно склеились. Дыхание стало частым, прерывистым, поверхностным. Грудную клетку сдавило стальным обручем.

— Дыши… Катя, дыши… — пыталась приказать я себе, но мозг не слушался.

Руки мгновенно заледенели, пальцы скрючило, по коже побежали колючие иголки онемения. Перед глазами поплыли серые круги, а высокие стены двора-колодца, казалось, начали медленно наклоняться внутрь, готовые раздавить меня своей вековой тяжестью. Я прижала ладони к груди, пытаясь удержать рвущийся наружу крик, но из горла вырывался лишь сиплый, свистящий хрип.

Я теряла сознание от паники и холода. Мой идеальный мир, моя выверенная жизнь, где всё всегда шло по строгому графику, превратились в грязные ступени темного питерского подвала. Я закрыла глаза, готовая сдаться. Больше не было сил бороться. Пусть всё закончится.

И вдруг сквозь этот ледяной кошмар, сквозь гул пульса в ушах и свист ветра пробилось что-то абсолютно чужеродное.

Сначала это было физическое ощущение. Лицо обдало слабой волной сухого, невероятного тепла. Как будто кто-то приоткрыл дверцу огромной домашней печи.

А затем до моих рецепторов долетел запах. Он был настолько плотным, ярким и живым, что сквозь панику пробился прямо в сознание.

Это не был запах дорогого селективного парфюма, которым пахло в «Астории». Это не был стерильный запах кварца из офиса. Это был умопомрачительный, густой аромат свежевыпеченного, горячего ржаного хлеба. В нем отчетливо слышались сладковатые ноты солода, пряный, согревающий оттенок кардамона и уютный, домашний запах корицы. Этот запах ассоциировался с безопасностью, с детством, с местом, где тебя никогда не обидят.

Я открыла глаза. Серые круги перед ними начали медленно рассеиваться.

Запах шел из-за старой металлической двери, на ступенях которой я сидела. Из-под обшивки, сквозь щели внизу пробивался тонкий, золотистый лучик теплого света. Там, внутри, кипела жизнь. Там было тепло.

Я сделала глубокий, судорожный вдох, наполняя легкие этим невероятным, спасительным ароматом. Онемение в пальцах стало чуть слабее. Я протянула руку, чтобы опереться о металлическую ручку двери и попытаться подняться.

Но не успела.

За дверью раздался тяжелый, уверенный шаг. Замок громко лязгнул, заставив меня вздрогнуть.

Дверь резко, настежь расмахнулась наружу, обдавая меня настоящим водопадом горячего, сухого воздуха и ослепительного желтого света.

На пороге, четко очерченный золотистым контуром на фоне пылающего нутра пекарни, появился мужчина. Он казался огромным — широкоплечий, высокий, он почти полностью загораживал собой дверной проем. На нем был простой холщовый фартук, густо испачканный белой мукой, а рукава серой футболки были закатаны, обнажая мощные предплечья, покрытые замысловатыми темными татуировками.

В правой руке он уверенно, как оружие, держал массивную деревянную лопату для выпечки хлеба с длинным черенком. На его лице, испачканном сажей у виска, застыло выражение крайнего изумления. Он смотрел сверху вниз на меня — промокшую, полуобморочную женщину в грязном кашемировом пальто, сидящую на его пороге в обнимку со сломанным чемоданом.

— Вы кто еще такая? — раздался его низкий, рокочущий бас, перекрывая гул работающих печей.

Глава 5. Тепло дикой закваски

Горячий воздух ударил в лицо так резко, что на мгновение мне показалось, будто я ослепла. После ледяного шквала Петроградской стороны это тепло ощущалось почти болезненно — оно покалывало онемевшую кожу щек, проникало сквозь промокшие швы кашемирового пальто и заставляло легкие судорожно сжиматься.

Мужчина на пороге не двигался. Он возвышался надо мной, как скала, загораживая проем, из которого лился густой золотистый свет. На его широком холщовом фартуке белели мазки муки, а на мощных предплечьях, покрытых сложной вязью темных татуировок, отчетливо проступали напряженные вены. В руке он сжимал длинный деревянный черенок лопаты для хлеба.

— Вы кто еще такая? — повторил он.

Его рокочущий бас заставил меня вздрогнуть. Я попыталась подняться, оперевшись о влажные каменные ступени, но колени, превратившиеся в куски льда, дрожали так сильно, что я едва не соскользнула обратно в грязь.

— Я… мне нужно… — мой голос прозвучал как жалкий, сиплый шелест. — Мой телефон отключился. У меня заблокированы карты. Пожалуйста, мне просто нужно переждать бурю. Буквально полчаса. Я заплачу, как только…

Я судорожно сжала пальцами ручку чемодана, пытаясь вернуть себе хоть каплю прежнего достоинства. Я — Катерина Андреевна, бренд-директор «Северного сияния». Я не могу стоять на коленях в подворотне перед незнакомцем в испачканном мукой фартуке. Я должна звучать убедительно. Но вместо этого я просто мелко, унизительно дрожала.

Мужчина опустил взгляд на мой Rimowa, утопающий колесиками в грязной жиже, затем на мое промокшее насквозь пальто Loro Piana, по подолу которого струилась мутная вода, и, наконец, вгляделся в мое лицо. Под его прямым, тяжелым взглядом мне захотелось провалиться сквозь землю.

Он молчал секунды три. Затем вздохнул — тяжело, шумно — и отступил в сторону, освобождая проход.

— Затаскивай чемодан. Живее, пока весь холод внутрь не напустила.

Я не заставила себя ждать. Из последних сил ухватившись за ручку, я вволокла чемодан через высокий порог. Тяжелая металлическая дверь за моей спиной захлопнулась с глухим, надежным щелчком, отрезая рев ветра и ледяной питерский дождь.

Внутри было шумно и оглушительно тепло. Пекарня напоминала пещеру алхимика: огромные подовые печи в глубине помещения негромко и ритмично гудели, обдавая пространство жаром. На длинных деревянных столах ровными рядами лежали круглые заготовки теста в плетеных корзинах, прикрытых льняными полотенцами. Воздух здесь был настолько плотным, что его, казалось, можно было резать ножом — он пах свежевыпеченным ржаным хлебом, поджаристой корочкой, солодом и легкой, едва уловимой кислинкой живой закваски.

Я замерла у входа, не решаясь сделать шаг на чистый кафельный пол. С моего пальто на плитку уже натекла приличная лужа.

Мужчина прислонил лопату к стене и повернулся ко мне. Вблизи он казался еще больше. Короткая темная борода с легкой проседью, глубокие складки упрямства возле рта и серые, удивительно спокойные глаза.

— Снимай это болото, — коротко бросил он, кивнув на мое пальто. — И туфли тоже. Из них вода фонтаном бьет.

— Я не могу… — я запнулась, чувствуя, как лицо заливает краска стыда. — Под пальто у меня только тонкий шелковый топ. И… у меня нет сменной обуви.

Он нахмурился, оценивая масштаб катастрофы. В его взгляде не было ни капли липкого мужского интереса — только чисто практическое, почти раздраженное недоумение человека, которому посреди рабочей смены подкинули промокшего котенка.

— Подожди здесь.

Он скрылся в узком коридоре за печами и вернулся через минуту. В руках у него была объемная серая толстовка из плотного хлопка и пара чистых, огромных шерстяных носков.

— Переоденься за стеллажом, — он указал рукой в сторону деревянной стойки с готовой продукцией. — Пальто повесь на трубу отопления у входа, там подсохнет. С чемодана воду оботри, вон тряпка на ведре.

— Спасибо, но я действительно могу просто посидеть на стуле… — попыталась я включить остатки своей деловой брони.

— Девушка, — он остановил меня спокойным, но не терпящим возражений тоном. — Ты сейчас либо переоденешься в сухое, либо через час я буду вызывать тебе скорую с пневмонией. Мне здесь трупы не нужны, у меня замес через сорок минут. Бери и переодевайся.

Его прямота действовала отрезвляюще. Я молча взяла вещи. Толстовка пахла чистотой, стиральным порошком и легким, едва уловимым ароматом сухих трав.

За деревянным стеллажом, скрытая от его глаз, я трясущимися руками расстегнула пуговицы пальто. Мокрый кашемир прилип к телу, неохотно поддаваясь моим одеревеневшим пальцам. Когда я наконец стянула его и натянула серую толстовку, меня обдало сухим, спасительным теплом. Одежда Даниила была мне огромна — рукава полностью закрывали ладони, а подол доходил почти до колен, но это было самое лучшее ощущение за весь этот бесконечный вечер. Я стянула мокрые шелковые колготки, пачкая пальцы, и надела толстые шерстяные носки. Туфли из светлой замши, теперь больше похожие на серые половые тряпки, я аккуратно поставила у стены.

When я вышла из-за стеллажа, Даниила у стола не было. Он стоял у огромного металлического тестомеса, засыпая туда муку из большого бумажного мешка. Движения его были точными, выверенными годами практики. Ни одного лишнего жеста.

Я робко подошла ближе и присела на невысокий деревянный ящик, стоящий возле теплой стены печи.

— Телефон где? — спросил он, не оборачиваясь.

— В кармане пальто. Он полностью разряжен.

Даниил молча подошел к пальто, достал мой смартфон, нашел на полке провод и воткнул его в розетку над рабочим столом. На черном экране загорелся тусклый красный символ батареи.

— Спасибо, — тихо сказала я.

— Чай пей, — он поставил передо мной на ящик большую, тяжелую кружку из темной глины.

От нее поднимался густой, ароматный пар. Я обхватила кружку обеими ладонями. Тепло сразу же проникло в пальцы, возвращая им чувствительность. Я сделала маленький глоток. Чай был крепким, вяжущим, с ярким, согревающим привкусом дикого чабреца и брусничного листа. Никакого сахара — только чистый, терпкий вкус леса.

Рядом с кружкой Даниил положил деревянную доску, на которой лежал отрезанный вручную толстый ломоть свежего хлеба. Корочка была темной, почти карамельной, с красивыми трещинами, сквозь которые проглядывал серый, пористый мякиш.

— Я не ем хлеб на ночь, — машинально произнесла я фразу, которую повторяла последние пять лет в ресторанах на Крестовском.

Даниил остановился, держа в руках деревянную лопату, и иронично приподнял бровь.

— А после замерзания насмерть в питерских подворотнях — тоже не ешь?

В его серых глазах промелькнула едва заметная, теплая усмешка. Она не была злой или издевательской — скорее понимающей.

— Это тартер, — спокойно добавил он. — На дикой закваске. Вода, мука, соль. Больше ничего. Никакой химии и дрожжей. Ешь, тебе нужны углеводы, чтобы согреться.

Я посмотрела на хлеб. От него исходил такой плотный, живой аромат, что у меня свело спазмом желудок. Забыв о правилах, диетах и приличиях, я взяла ломоть руками. Корочка оглушительно хрустнула под пальцами. Мякиш оказался удивительно нежным, влажным и слегка пружинящим.

Я откусила кусочек.

Это был шок. Вкус был глубоким, слегка солоноватым, с легкой благородной кислинкой в послевкусии. Я никогда в жизни не пробовала ничего подобного. В «Астории» подавали изысканные десерты, на наших фуршетах были лучшие закуски от шеф-поваров, но этот простой, теплый кусок хлеба сейчас показался мне самым невероятным деликатесом на земле.

Слезы хлынули из глаз сами собой. Они текли по моим щекам, смешиваясь с остатками туши, и падали прямо на деревянную доску. Я пыталась сглотнуть их, но удушливый ком снова перекрыл горло.

Даниил не стал суетиться. Он не бросился меня утешать, не задавал лишних вопросов. Он просто продолжал заниматься своим делом — мерно очищал рабочий стол от остатков муки скребком. Этот сухой, шуршащий звук и его спокойное присутствие заземляли меня сильнее любых успокоительных.

— Простите, — выдавила я, вытирая лицо огромным рукавом его толстовки. — Это… просто глупо. Я обычно не плачу.

— Хлеб часто так действует на уставших людей, — тихо отозвался он. — Он возвращает к реальности. Как тебя зовут-то, чудо в кашемире?

— Катя, — я шмыгнула носом. — Катерина.

— А я Даниил. Будем знакомы, Катерина.

Я сделала еще один глоток чая с чабрецом, чувствуя, как внутри разливается приятная, тяжелая сытость. Но как только физическая боль от холода отступила, в голову хлынули мысли о том, что произошло несколько часов назад.

Артур. Офис. Лика в изумрудном платье. Мои счета, заблокированные в один клик.

Грудную клетку снова словно сдавило стальным обручем. Дыхание перехватило, стало частым и поверхностным. Я прижала руку к груди, чувствуя, как бешено колотится сердце. Стены пекарни, казалось, начали медленно сжиматься.

Даниил мгновенно заметил перемену. Он отложил скребок, подошел ко мне и присел на корточки, оказавшись на уровне моих глаз.

— Так, Катя, стоп, — его голос звучал твердо и спокойно, как метроном. — Смотри на меня. Не на стены, на меня.

Я с трудом сфокусировала взгляд на его сером, сосредоточенном лице.

— Дышать разучилась? — спросил он без тени иронии. — Твои легкие сейчас работают как сломанный насос. Давай вместе. Слышишь, как печь гудит?

Я прислушалась. Большая подовая печь издавала ровный, низкий, вибрирующий гул.

— Она дышает ровно. И мы будем так же. Вдох на четыре счета. Давай. Раз, два, три, четыре…

Он сделал глубокий, медленный вдох грудью. Я инстинктивно потянулась за ним, вдыхая теплый воздух с ароматом закваски.

— Удерживай воздух. Теперь выдох. Медленно. Раз, два, три, четыре… Молодец. Еще раз.

Мы дышали так около двух минут. Его огромные теплые ладони лежали на моих коленях — не сжимая, просто создавая физическую точку опоры. Постепенно паника начала отступать. Дрожь в руках утихла, а стальной обруч на груди ослаб.

— Вот так, — тихо сказал Даниил, убирая руки. — Тесто не терпит суеты, Катя. И жизнь тоже. Что бы там у тебя ни случилось — сейчас ночь. Ночью ты всё равно ничего не решишь. Сейчас твоя единственная задача — выспаться.

— Но мне некуда идти, — прошептала я, глядя в глиняную кружку. — Мой дом… мне сменили замки. Мои деньги… их нет.

— Здесь переспишь, — Даниил поднялся на ноги. — У меня в углу за стеллажами стоят свежие, чистые мешки с мукой высшего сорта. Они мягкие, сухие и теплые. Я застелю их чистым льняным брезентом. Это лучше любой раскладушки, поверь мне на слово.

Я посмотрела в угол, куда он указывал. Там действительно аккуратными рядами высилась теплая деревянная платформа с мешками.

У меня не было сил спорить. Мой идеальный мир с шелковыми простынями цвета «пыльная роза» остался где-то в другой вселенной. Сейчас мне было абсолютно все равно, на чем спать, лишь бы этот кошмар прекратился хотя бы на несколько часов.

Даниил быстро организовал мне спальное место. Он накрыл мешки плотной, пахнущей солнцем и чистой тканью льняного полотна, положил под голову свернутую сухую куртку и накрыл сверху еще одним теплым одеялом.

— Ложись, — тихо сказал он. — Я буду здесь работать всю ночь. Будет шумно, но тепло. Не бойся.

Я забралась на это импровизированное ложе. Мешки под моим телом мягко промялись, принимая форму тела. Тепло от печей укутывало меня, как невидимый кокон.

— Спасибо, Даниил, — прошептала я, закрывая глаза.

— Спи, Катя. Утро вечера мудренее.

Последнее, что я помнила перед тем, как провалиться в глубокий, бездонный сон — это ровный, успокаивающий гул печей, шуршание муки под его руками и мягкий, убаюкивающий запах кардамона.

Я проснулась оттого, что мне в лицо бил тонкий, серый луч утреннего света.

Голова была тяжелой, во рту пересохло. На мгновение я потеряла ориентацию в пространстве, не понимая, почему потолок надо мной такой высокий, серый, с открытыми вентиляционными трубами, а подо мной — шуршащие мешки.

Затем воспоминания вчерашнего вечера обрушились на меня лавиной.

Я резко села. В пекарне было тихо. Подовые печи больше не гудели так яростно, они лишь лениво отдавали остаточное тепло. На столах уже не было заготовок теста — вместо них на стеллажах ровными, золотистыми рядами выстроились готовые, глянцевые буханки хлеба, багеты и круассаны. Запах стоял просто умопомрачительный.

Даниила в зале не было. С улицы, сквозь небольшое полуподвальное окно, доносились приглушенные звуки просыпающейся Петроградки — шуршание шин по мокрому асфальту, редкие гудки и голоса прохожих. Дождь прекратился, уступив место холодному, серому питерскому утру.

Я заметила, что мой телефон, лежащий на рабочем столе, светится зеленым индикатором. Он был полностью заряжен.

Я поднялась, чувствуя приятную легкость в теле — шерстяные носки Даниила всё еще грели мои ноги. Подойдя к столу, я взяла смартфон в руки и нажала на кнопку разблокировки.

Экран мгновенно заполнился десятками пропущенных уведомлений.

Сообщения от Марго: *«Катя, где ты? Офис опечатан нашей службой безопасности по приказу Артура! Охрана никого из твоего отдела не пускает внутрь!»*Пропущенные от

администратора «Астории». И одно новое письмо на моей личной электронной почте от моего личного адвоката, отправленное ровно в 7:15 утра.

У меня внутри всё заледенело. Пальцы скользнули по экрану, открывая текст письма. К нему был прикреплен PDF-файл с синей гербовой печатью.

«Уважаемая Катерина Андреевна, — писал адвокат сухим, безжалостным юридическим слогом. — *Срочно выходите на связь. Час назад Октябрьский районный суд Санкт-Петербурга удовлетворил ходатайство следствия в рамках возбужденного против вас уголовного дела по статье "Мошенничество в особо крупном размере". На все ваши личные счета, включая накопительные депозиты, а также на недвижимое имущество (доля в квартире на Крестовском острове) наложен временный арест в качестве обеспечительной меры. Вы не имеете права совершать сделки и пользоваться картами. Ситуация критическая. Жду вашего звонка».*

Я смотрела на эти строчки, и буквы медленно расплывались перед глазами.

Арест. Обеспечительные меры. Уголовное дело.

Артур не блефовал. Он действительно запустил свою машину уничтожения, не оставив мне ни единого шанса на защиту. У меня больше не было ничего. Ни жилья, ни бизнеса, ни копейки денег.

В этот момент замок на входной двери пекарни громко лязгнул, и на пороге появился Даниил, держа в руках свежий выпуск утренней газеты и небольшой бумажный пакет. Он остановился, заметив мое бледное лицо и телефон в дрожащих руках.

— Катя? — негромко спросил он, хмурясь. — Что случилось?

Глава 6. Гордость и шпильки на грязном полу

— Катя? — Даниил сделал шаг ко мне, шурша свежей утренней газетой в руках. — Что случилось? На тебе лица нет.

Я стояла посреди его теплой, пахнущей хлебом пекарни, и мне казалось, что пол под моими ногами медленно кренится, как палуба тонущего корабля. В пальцах дрожал телефон. Зеленый индикатор на экране горел издевательски ярко, а перед глазами расплывались строчки из письма адвоката: *«...возбужденного против вас уголовного дела по статье "Мошенничество"... счета арестованы в качестве обеспечительной меры...»*

— Они всё забрали, — прошептала я, чувствуя, как горло стягивает тугой, сухой спазм. — Всё. Квартиру, деньги, имя. У меня ничего не осталось, Даниил. Вообще ничего.

Он молча положил пакет с продуктами на рабочий стол, подошел ближе и забрал у меня телефон. Его серые глаза быстро пробежали по строчкам юридического текста. На лбу Даниила пролегла глубокая складка.

— Это твой муж? — тихо спросил он.

— Бывший, — поправила я, и в моем голосе против моей воли звякнуло битое стекло. — Вчера он стер меня из нашей компании, а сегодня лишил крыши над головой.

Я сделала глубокий вдох, пытаясь унять дрожь. Мой мозг, привыкший работать в режиме жестких дедлайнов, судорожно искал выход. Бежать. Мне нужно было немедленно уйти. Гордость, которая еще вчера казалась растоптанной, сейчас проснулась и требовала одного: не оставаться здесь из жалости. Я не могла превратиться в бездомную приживалку на его мешках с мукой.

— Мне нужно идти, — я потянулась к своему чемодану, стоявшему у стены.

— Куда? — Даниил преградил мне путь, скрестив руки на груди. — На улицу? Катя, у тебя на картах ноль. Ты только что сама это прочитала.

— Я найду выход, — я упрямо вскинула подбородок. — У меня есть… паспорт. И голова на плечах.

Я открыла обложку своего загранпаспорта, который лежал в кармашке сумки. Там, между страницами с шенгенскими визами, чудом сохранилась пятитысячная купюра — моя последняя заначка после поездки в Хельсинки полгода назад. Мой единственный осязаемый капитал. Пять тысяч рублей.

Судорожно, пока телефон окончательно не заблокировали или пока не села батарея, я открыла приложение с объявлениями. Мои пальцы летали по экрану. Фильтр: «Комната», «Петроградская сторона», «Срочно», «До 15 тысяч рублей».

— Вот, — я ткнула пальцем в экран, показывая ему первое попавшееся объявление. — Комната на Большой Пушкарской. Прямо сейчас сдается. Шестнадцать тысяч в месяц. Я позвоню и сниму её.

Даниил посмотрел на экран, затем на меня — в его огромной серой толстовке и шерстяных носках.

— На какие шиши ты её снимешь, Катя? У тебя пять тысяч в руках.

— Договорюсь. Я умею вести переговоры.

Я набрала номер. К моему удивлению, трубку взяли сразу. Сонный, ворчливый женский голос ответил, что комнату можно посмотреть прямо сейчас. «Приезжай, девка, раз горит. Только без собак и шума».

Я отключила вызов и посмотрела на свои вещи. Мое кашемировое пальто Loro Piana и замшевые туфли на тонкой шпильке всё еще висели на трубе отопления. Пальто было полусухим и тяжелым, а замша туфель потемнела и сжалась от влаги.

— Пальто еще не высохло, — спокойно заметил Даниил. Он подошел к вешалке у двери, снял свою теплую черную куртку — плотную, непродуваемую, пахнущую кардамоном и ветром — и протянул мне. — Надень пока это. Свои туфли натянешь, деваться некуда. Чемодан оставляй здесь, я позже привезу.

— Нет, — я упрямо схватилась за ручку Rimowa. — Чемодан я заберу сама. И куртку… спасибо. Я верну её сегодня же.

Обувать влажные, жесткие туфли на шпильке после мягких шерстяных носков было чистой пыткой. Замша врезалась в кожу, лодыжки мгновенно заныли. Но я заставила себя выпрямить спину. Накинув огромную куртку Даниила поверх его же серой толстовки, я покатила свой серебристый чемодан к выходу.

— Катя, — окликнул он меня у самого порога. — Если что-то пойдет не так — возвращайся. Дверь открыта.

Я не обернулась. Лишь коротко кивнула и шагнула в сырое питерское утро.

Если бы ещё вчера мне сказали, что я буду стоять посреди длинного, темного коридора, пропахшего старыми книгами, жареным луком и кошачьим кормом, я бы решила, что это глупый розыгрыш. Но реальность умеет бить наотмашь.

Комната в коммуналке на Большой Пушкарской действительно стоила шестнадцать тысяч рублей в месяц. Для человека, который ещё вчера оперировал рекламными бюджетами с шестью нулями, эта сумма казалась смешной. Для меня сегодняшней она была неподъемной.

— Ну, что смотришь, красавица? — проскрипела Клавдия Петровна, хозяйка этого царства увядшего питерского модерна. На её плечах лежал затрепанный оренбургский платок, а от неё самой пахло лавандовым мылом и валидолом. — Комнатка небольшая, зато теплая. Потолки четыре метра, лепнина вон, видишь? Правда, сыплется малость, но то пустяки. Соседи тихие: я да студент из Консерватории, его почти не слышно, только на флейте дудит по evenings.

Я посмотрела на свои руки. Пальцы всё ещё подрагивали, сжимая паспорт с пятитысячной купюрой. Мой спасательный круг.

— Клавдия Петровна, — я постаралась, чтобы мой голос звучал максимально уверенно и по-деловому, хотя колени в мокрых джинсах нещадно ломило от холода. — Я готова снять её прямо сейчас. Но у меня есть… небольшая техническая сложность с банком. Карты временно заблокированы из-за аудита в компании. Я могу отдать вам пять тысяч в качестве залога прямо сейчас, а остаток перевести через неделю?

Старушка прищурилась, разглядывая меня сквозь толстые стекла очков. Её взгляд скользнул по чужой огромной куртке на моих плечах, затем на грязные, некогда изящные замшевые туфли на тонкой шпильке и, наконец, на новенький серебристый чемодан Rimowa. Я выглядела как благородная беженка из параллельной вселенной.

— Эх, девка… — вздохнула Клавдия Петровна, и в её голосе внезапно проступила чисто питерская жалость к интеллигентным безумцам. — Вижу же, что стряслось у тебя что-то. Мужик небось выгнал? Ладно, давай свою бумажку. Но чтоб через неделю — вся сумма на стол. Иначе со свистом вылетишь, у меня племянник в полиции работает, шутить не буду.

— Спасибо, — выдохнула я, чувствуя, как гора сползает с плеч. — Я всё верну. Обещаю.

Когда за Клавдией Петровной закрылась тяжелая дубовая дверь, я осталась одна в комнате площадью от силы десять квадратных метров. Здесь стояли узкая железная кровать, покрытая выцветшим байковым одеялом, колченогий стол и старый шифоньер, который приоткрывался со зловещим скрипом. Огромное окно выходило во двор-колодец, где на фоне серого неба качались мокрые ветки березы.

Я опустилась на край кровати. Пружины жалобно запели под моим весом.

В голове звенела пустота. Я — Катерина Андреевна, бренд-директор одного из лучших ювелирных брендов страны. Человек, чьи интервью печатали в глянцевых журналах. Сегодня

моё жилье — комната с видом на глухую кирпичную стену, а все мои вещи помещаются в один чемодан.

Взгляд упал на черную куртку Даниила. Мне нужно было вернуть её. И мне нужно было забрать свои промокшие вещи — пальто и шелковые колготки, которые я оставила сушиться на трубе у входа в пекарню. А главное — мне отчаянно, до физической боли, нужна была работа. Любая. Прямо сейчас.

Я поднялась. Каждый шаг на шпильках по разбитому питерскому асфальту отзывался тупой болью в лодыжках, но у меня просто не было другой обуви. Мой идеальный Rimowa остался запертым в убогой комнатке.

До пекарни Даниила я добиралась пешком около пятнадцати минут. Ветер на Петроградской стороне сегодня был особенно колючим, он швырял в лицо пригоршни мелкой крупы, которая мгновенно таяла на щеках. Я шла, уткнувшись носом в высокий воротник его куртки, чувствуя себя невероятно маленькой и беззащитной перед этим огромным, холодным городом.

Когда я спустилась по каменным ступеням в полуподвал пекарни, колокольчик над дверью жалобно звякнул. Но вместо привычного покоя и уютного шуршания муки меня встретил настоящий, оглушительный хаос.

За стойкой стояла очередь из десятка человек. Они шумели, переговаривались, кто-то нетерпеливо постукивал монетой по стеклу витрины.

— Девушка, ну сколько можно? У меня ребенок в машине ждет! — возмущалась женщина в дорогом пуховике.

— Почему терминал не работает? Мне что, за наличкой на проспект бежать? — сердито ворчал мужчина в очках.

Из глубины пекарни, из-за массивных подовых печей, доносился яростный, глухой гул. Даниил метался между рабочими столами и кассой. На его лице проступали темные полосы сажи, широкий фартук был густо засыпан мукой, а волосы растрепались. Он пытался одновременно доставать горячие противни с круассанами, упаковывать хлеб в бумажные пакеты и принимать оплату.

— Извините, терминал завис из-за сбоя сети, — хрипло говорил он, пытаясь перезагрузить маленький черный пластиковый куб на стойке. — Только наличные или перевод по номеру телефона. Секунду, сейчас я принесу сдачу…

Он развернулся, задел бедром стойку с деревянными лопатами, и одна из них со звоном покатилась по кафельному полу. В зале недовольно загудели.

— Ну и сервис у вас, — фыркнул кто-то в конце очереди. — Хлеб хороший, а организация — нулевая.

Я замерла у входа. Мой профессиональный взгляд мгновенно выхватил все «узкие горлышки» этого процесса. Даниил был гениальным ремесленником, но как менеджер он сейчас терпел сокрушительное фиаско. Очередь двигалась медленно, потому что он тратил драгоценное время на упаковку и расчет, пока хлеб в печи продолжал пересыхать.

Я сделала глубокий вдох, стараясь унять внезапно забившееся сердце. Медлить было нельзя.

Я быстро прошла мимо недовольной очереди, чувствуя на себе их раздраженные взгляды, и зашла за стойку. Даниил в этот момент как раз пытался совладать с зависшим терминалом, его пальцы в муке яростно тыкали в экран.

— Даниил, — тихо, но твердо позвала я.

Он резко вскинул голову. В его серых глазах, обычно таких спокойных, сейчас читалась крайняя степень загнанности и усталости.

— Катя? Ты что здесь… — он запнулся, переводя взгляд на куртку на моих плечах.

— Терминал, — я забрала у него из рук пластиковый куб. — Дай мне. Я перезагружу его через системное меню. А ты иди к печам, у тебя круассаны подгорают, я чувствую запах пережженного масла.

Он секунду смотрел на меня, тяжело дыша, словно не верил, что я действительно стою перед ним. Затем шумно выдохнул, коротко кивнул и бросился в глубину помещения, где из печи уже начинал сочиться легкий сизый дымок.

Я повернула терминал к себе. Мои пальцы, привыкшие к управлению сложными корпоративными интерфейсами, быстро нашли нужную комбинацию клавиш для жесткой перезагрузки устройства. Экран моргнул, поползла белая полоса загрузки.

Я повернулась к очереди и натянула свою самую безупречную, калиброванную улыбку — ту самую, с которой я встречала инвесторов и капризных питерских светских львиц.

— Уважаемые покупатели, приносим извинения за временные неудобства, — мой голос прозвучал ровно, мягко и успокаивающе. — Наша сеть сейчас перезагружается, это займет ровно полторы минуты. Пока терминал приходит в себя, я могу упаковать ваши заказы. Кто был первым? Пожалуйста.

Женщина в пуховике, которая только что была готова взорваться, под моим прямым, уверенным взглядом мгновенно остыла.

— Мне… два тартина на дикой закваске и три круассана с миндалем, — уже спокойнее произнесла она.

— Отличный выбор, — кивнула я, ловко подхватывая деревянные щипцы.

Я упаковала хлеб в плотные крафтовые пакеты, аккуратно подвернула края и уложила круассаны так, чтобы они не помялись. Терминал тихо пискнул, сигнализируя о восстановлении связи.

— Пожалуйста, можете прикладывать карту, — я протянула ей терминал.

Оплата прошла мгновенно. Женщина забрала пакет, на её лице впервые за всё время появилась слабая улыбка. — Спасибо. У вас очень приятное обслуживание.

— Будем рады видеть вас снова, — ответила я, уже поворачиваясь к следующему клиенту.

Следующие сорок минут превратились в непрерывный, затягивающий водоворот. Я принимала заказы, упаковывала хлеб, рассчитывала покупателей, шутила, сглаживала острые углы и раскладывала свежие булочки по плетеным корзинам. Даниил в это время работал в глубине пекарни как заведенный, только успевая выставлять на стойку новые, еще дышащие жаром противни. Мы не разговаривали — у нас просто не было на это времени, но мы двигались в каком-то странном, интуитивном ритме.

Когда колокольчик над дверью наконец затих, а за окном потянулись серые питерские сумерки, в пекарне воцарилась звенящая тишина. Витрины были практически пусты — остались лишь несколько багетов и пара подсохших круассанов.

Я оперлась ладонями о деревянную стойку, чувствуя, как предательски дрожат колени. Шпильки моих замшевых туфель словно вросли в стопы, каждый нерв в ногах буквально кричал от усталости. На моей толстовке и руках белели следы муки, а от моих волос пахло дрожжами, солью и сладким кардамоном.

Даниил медленно подошел к стойке со стороны кухни. Он снял испачканный фартук, бросил его на рабочий стол и тяжело оперся локтями о столешницу напротив меня. На его лбу блестели капли пота, а серые глаза смотрели на меня с каким-то странным, нечитаемым выражением.

Я молча расстегнула его куртку, аккуратно сняла её и положила на стойку.

— Вот, вернула, — тихо сказала я. — И… мне нужно забрать свои вещи. Пальто и туфли.

Даниил не прикоснулся к куртке. Он продолжал пристально вглядываться в моё лицо. Его взгляд медленно скользнул вниз — по моей испачканной толстовке, по устало опущенным плечам и, наконец, остановился на моих ногах.

Мои светлые замшевые туфли, которые когда-то стоили как половина подержанной иномарки, теперь выглядели жалко. Замша потемнела от грязи и дорожной соли, каблуки были исцарапаны, а подошва местами отошла. Они были совершенно не приспособлены для этого грязного, мокрого кафельного пола, покрытого тонким слоем муки и влаги от обуви покупателей.

Даниил нахмурился. Он молча перевел взгляд с моих угробленных туфель на моё лицо.

Затем он протянул руку под стойку, достал оттуда чистый, плотный холщовый фартук темно-серого цвета и с глухим стуком положил его передо мной.

— Вставай за кассу, — спокойно, но свинцово-твердо произнес он, глядя мне прямо в глаза. — Пятьсот рублей в час. Смена с восьми утра до семи вечера. Выплата каждый день. Или забирай свои шмотки и уходи.

Я замерла, глядя на этот серый кусок ткани. Внутри меня всё протестовало. Я — бренд-директор. Я управляла людьми. Я не могу стоять за прилавком в полуподвале. Но перед глазами мгновенно всплыла комната с облупившейся лепниной, убогий шифоньер и Клавдия Петровна, ждущая остаток денег через неделю.

Я медленно протянула руку и коснулась жесткого, пахнущего чистым хлопком фартука.

— Или уходи, Катя, — тихо повторил Даниил. — Решай прямо сейчас. У меня нет времени на долгие раздумья.

Я подняла на него глаза. В их глубине не было жалости — только спокойный, деловой вызов. И я этот вызов приняла.

Глава 7. Сенсорный шок

Моё первое утро на Большой Пушкарской началось под аккомпанемент чужого кашля за стеной и заунывного скрипа старых половиц. Комната в коммуналке встретила меня ледяным сквозняком из окна и запахом пыльных обоев, которые, казалось, помнили еще блокадные зимы. В полутьме убогий шифоньер выглядел как затаившийся монстр.

Я села на кровати, чувствуя, как каждая мышца в теле ноет после вчерашнего забега на шпильках по питерской слякоти. Мобильный показывал 7:10 утра. На экране — пустота. Ни одного сообщения от Артура. Ни единого извинения, попытки объясниться или хотя бы дежурного юридического запроса. Он просто вычеркнул меня, выставил за дверь и заблокировал кислород.

Я подошла к своему чемодану Rimowa, который сиротливо стоял у колченого стола. Настоящий памятник моей прошлой, сытой жизни. Я открыла его и с глухим отчаянием уставилась на содержимое. Шёлковые блузы от *Equipment*, строгие костюмы-тройки, кашемировый джемпер благородного бежевого оттенка. И ни одной пары обуви на плоском ходу. Никаких кроссовок или удобных лоферов. На выставку в Москву я собиралась как на дипломатический прием — только безупречные лодочки и замшевые туфли на убойной десятисантиметровой шпильке.

Делать было нечего. Пришлось снова натянуть те самые светло-голубые замшевые туфли. Вчерашняя грязь подсохла на них серыми разводами, замша загрубела и сжалась, превратив обувь в настоящие испанские сапожки. Лодыжки взвыли в ту же секунду, как я перенесла на них вес тела.

— Соберись, Катя, — прошептала я своему блеклому отражению в мутном зеркале коммунального коридора. — Это просто еще один проект. Кризис-менеджмент в полевых условиях.

До пекарни Даниила я шла медленно, стараясь наступать на сухие участки разбитого асфальта, но утренний питерский туман уже превратил Петроградку в сплошное сырое зеркало. Холодный воздух пробирался под подол огромной черной куртки Даниила, которую я так и не смогла заставить себя оставить в коммуналке. Она пахла им — кардамоном, домашней закваской и сухим ветром с залива. Этот запах почему-то заземлял меня, не давая окончательно скатиться в панику.

В 7:45 я спустилась по каменным ступеням в полуподвал. Колокольчик над дверью тихо звякнул.

Внутри было жарко. Огромные подовые печи уже работали на полную мощность, наполняя полутемный зал густым, осязаемым теплом. Даниил стоял у деревянного стола, засыпанного тонким слоем муки. Его мощные предплечья, покрытые темной вязью татуировок, были напряжены — он быстрыми, точными движениями формовал круглые буханки хлеба, укладывая их в плетеные корзины для расстойки.

Он мельком взглянул на меня, оценив мой нелепый вид: дорогая бежевая толстовка, усыпанная серой пылью коммуналки, бледное лицо без капли макияжа и... те самые замшевые шпильки на ногах. В его серых глазах промелькнула тень иронии, но он ничего не сказал.

Даниил вытер руки о фартук, подошел к стойке и положил передо мной чистый, плотный холщовый фартук темно-серого цвета.

— Доброе утро, Катерина. Начнем с инструктажа.

Его ровный, низкий голос подействовал на меня как холодный душ. Никаких сантиментов. Это работа.

— Доброе утро, — я постаралась, чтобы мой голос звучал максимально собрано и профессионально. — Я готова. С чего начинаем?

— С кассы, — Даниил развернул ко мне маленький черный планшет. — Меню простое. Слева — хлеб. Тартин пшеничный, ржаной с семечками, бородинский, багеты. Справа — выпечка. Круассаны классические, миндальные, улитки с корицей и кардамоном. Кофе только фильтр. Наливаешь вот из этого термоса. Никаких латте на кокосовом и сиропов. Мы не кофейня третьей волны, мы ремесленная пекарня. Запомнила?

— Я руководила логистической цепочкой из трехсот позиций сырья, Даниил. Думаю, с десятью кнопками на планшете я справлюсь, — не удержалась я от шпильки.

Он приподнял бровь, и в его глазах снова заплясали теплые искорки. — Посмотрим. Главное правило — хлеб руками не трогать. Только деревянными щипцами. Упаковываешь в крафтовые пакеты, аккуратно подворачиваешь край. Каждому покупателю — улыбка и «хорошего дня». Люди приходят сюда за теплом, Катя. Не нужно смотреть на них как на инвесторов, которые не оправдали твоих ожиданий.

— Я умею общаться с клиентами, — сухо ответила я, завязывая плотные лямки фартука на талии.

— Отлично. Тогда твой первый клиент.

Колокольчик на двери звякнул, и в зал вошел первый посетитель — пожилой мужчина в потертом, но безупречно чистом шерстяном пальто и фетровой шляпе. Типичный питерский интеллигент, который, кажется, помнил еще дореволюционные времена Петроградки. От него пахло старыми книгами и дешевым одеколоном.

— Здравствуйте, деточка, — мягко произнес он, слегка приподнимая шляпу. — Мне, как обычно, половинку ржаного на закваске. И если можно, корочку потемнее. Моя супруга очень любит этот карамельный хруст.

Я на секунду замерла. В моей прошлой жизни клиентами были байеры из Дубая или капризные светские львицы, требовавшие эксклюзивные огранки для бриллиантов. Общение с ними было шахматной партией, где каждый жест выверялся до миллиметра. А здесь... передо мной стоял дедушка, который просто хотел порадовать жену хрустящей корочкой хлеба за сто рублей.

Я глубоко вдохнула теплый воздух, пропитанный ароматом солода, и натянула свою калиброванную улыбку.

— Конечно. Секунду.

Я взяла деревянные щипцы. Буханка ржаного хлеба на деревянной полке была еще теплой. Когда я сжала её щипцами, корочка издала тихий, невероятно аппетитный хруст. Я аккуратно уложила хлеб на деревянную доску. Даниил бесшумно подошел со спины, взял длинный зазубренный нож и одним точным, уверенным движением разрезал буханку пополам. Мякиш оказался влажным, пористым, с красивыми крупными дырочками. От него поднялся густой, кисловато-сладкий пар.

Я уложила половинку в крафтовый пакет, аккуратно подвернула край, как учил Даниил, и протянула мужчине.

— Пожалуйста. Пусть вашей супруге будет вкусно. Хорошего вам дня.

Старик улыбнулся, и на его лице проступила сетка теплых, добрых морщин. — Какая у вас чудесная выправка, деточка. И голос... Сразу видно — наша, петербургская порода. Спасибо вам.

Когда он ушел, оставив на тарелочке аккуратные сто рублей наличными, я почувствовала странный, непривычный укол тепла где-то в груди. Это не было похоже на триумф после закрытия миллионной сделки. Это было что-то очень простое, осязаемое и настоящее.

— Неплохо для начала, — негромко заметил Даниил из-за своей стойки. Он уже снова занимался тестом. — Осанка отличная. Продолжай в том же духе.

Следующие три часа превратились для меня в сплошной сенсорный шок. Мир сузился до размеров этого полуподвала, наполненного звуками, запахами и текстурами.

Я училась чувствовать разницу между пшеничным тартином — легким, воздушным, с хрустящей золотистой корочкой, и тяжелым бородинским хлебом, усыпанным пряным кориандром. Мои пальцы, привыкшие к гладкости сенсорных экранов и холодному металлу ювелирных оправ, теперь постоянно соприкасались с шершавой бумагой пакетов, теплом свежей выпечки и тончайшей белой пылью муки, которая упрямо оседала на темной ткани моего фартука.

Покупатели шли бесконечным потоком. Шумный студент в огромных наушниках с растрепанными волосами влетел в пекарню, шумно выдыхая пар: — Привет! Мне фильтр-кофе и улитку с корицей, плиз. У меня зачет через двадцать минут, полный факап, если опоздаю.

Я быстро налила темный, ароматный кофе в бумажный стаканчик, упаковала улитку, от которой исходил умопомрачительный вайб уюта и специй.

— Держите. Удачи на зачете. Всё получится.

Парень удивленно посмотрел на меня — видимо, не ожидал встретить за кассой подвальной пекарни девушку с манерами хозяйки дорогого салона. Он широко улыбнулся, забрал стаканчик и крикнул уже у дверей: — Ого, спасибо! С такой поддержкой точно сдам!

Затем была молодая мама с забавным кудрявым малышом в ярком комбинезоне. Мальчик упрямо тянул ручки к витрине с миндальными круассанами, пачкая стекло носом.

— Тихо, Тёма, нельзя, — устало вздыхала девушка, пытаясь найти карту в бездонной сумке.

Я присела, оказавшись на уровне глаз малыша, и протянула ему маленькое печенье с корицей, которое Даниил обычно держал в стеклянной банке для детей. — Держи, это волшебное печенье. Оно помогает мамам быстрее находить карточки.

Малыш забавно сморщил нос, забирая угощение, а его мама выдохнула с таким облегчением, будто я только что спасла её от стихийного бедствия.

Все эти часы я стояла на ногах. Мои лодыжки горели адским пламенем. Замша туфель безжалостно врезалась в отекшую кожу, каждый шаг от кассы к хлебным полкам отзывался острой, стреляющей болью в пояснице. Но я упрямо держала спину ровно. Мой идеальный фасад, моя выправка — это было единственное, что Артур не смог у меня отобрать. И я не собиралась сдаваться перед лицом этого грязного кафельного пола.

Даниил всё это время работал в глубине пекарни. Но я физически чувствовала его взгляд. Его серые, спокойные глаза следили за каждым моим движением. Он видел, как я вздрагиваю от боли, когда переношу вес с одной ноги на другую. Видел, как я незаметно сжимаю пальцами край деревянной стойки, чтобы не пошатнуться.

Около двух часов дня, когда поток покупателей схлынул и в пекарне образовался короткий перерыв, Даниил подошел к стойке. Он молча поставил передо мной тяжелую глиняную кружку, от которой поднимался ароматный пар.

— Ноги как? — тихо спросил он, скрестив руки на груди.

— Прекрасно, — соврала я, глядя ему прямо в глаза и стараясь не морщиться. — Отличный рабочий день.

Даниил покачал головой. В его взгляде не было жалости — только какое-то удивленное, суровое уважение. — Упрямая ты, Катя. Твои туфли... они не для этой жизни. Замша на питерском кафеле долго не живет. И твоя спина тоже. Завтра принеси нормальную обувь.

— У меня нет другой, — я сделала маленький глоток из кружки.

Вместо привычного кофе там оказался горячий травяной отвар с шиповником и мятой. Кисловатый, согревающий вкус мгновенно разлился по телу, снимая напряжение в зажатых плечах.

— В смысле — нет? — Даниил нахмурился. — Издеваешься?

— В прямом, — я грустно усмехнулась, глядя на свои испорченные туфли. — Я собиралась на выставку в Москву. В моем чемодане только деловые костюмы и шпильки. Моя обыч-

ная одежда осталась в квартире на Крестовском. А туда... у меня больше нет доступа. Артур позаботился обо всем.

Даниил молчал несколько секунд. Его лицо стало жестким, складка между бровями обозначилась отчетливее. Он перевел взгляд с моих ног на мое лицо, словно заново оценивая масштаб той катастрофы, которая со мной произошла.

— Понятно, — тихо произнес он. — Ладно. Сделай перерыв. Посиди пять минут.

Он развернулся и ушел на кухню, оставив меня наедине с травяным чаем. Я опустилась на деревянный стул за стойкой и прикрыла глаза. Тепло от печей укутывало меня, как мягкий плед. В голове не было мыслей о судах, адвокатах и Артуре. Была только звенящая тишина и приятная физическая усталость. Наверное, Даниил был прав — физический труд действительно возвращает к реальности. Он выбивает из головы лишнюю дурь и заставляет ценить самые простые вещи. Например, возможность просто посидеть пять минут в тепле.

В три часа дня Питер начал медленно погружаться в свои привычные, ранние осенние сумерки. Небо за небольшим полуподвальным окном налилось тяжелым свинцом, а асфальт на улице блестел от новой порции мелкой измороси.

Колокольчик над дверью пекарни задорно звякнул.

Я инстинктивно выпрямила спину, натянула улыбку и повернулась к выходу, готовая поприветствовать очередного покупателя. Но слова застряли у меня в горле.

В тесный, пахнущий тестом и кардамоном полуподвал ворвался резкий, холодный поток воздуха. И вместе с ним — тяжелый, удушливо-сладкий аромат дорогого селективного парфюма. Запах *Baccarat Rouge 540*. Этот аромат я знала слишком хорошо. Им пахло на всех закрытых презентациях на Крестовском, на благотворительных вечерах и в кулуарах модных питерских бутиков. Это был запах денег, пафоса и абсолютной, стерильной роскоши.

На пороге стояла женщина. Высокая, стройная, в безупречном белоснежном кашемировом пальто от *Max Mara*, которое мягко облегало её фигуру. Из-под полы пальто виднелись идеальные кожаные сапоги на плоской подошве. Её темные волосы были уложены аккуратными волнами, а на плече небрежно висела новенькая сумочка *Dior*.

Это была Альбина.

Моя близкая подруга. Человек, с которым мы еще месяц назад пили безалкогольные коктейли на террасе ресторана *«Royal Beach»*и обсуждали её предстоящую годовщину свадьбы. Человек, для которого я лично, в приватной комнате нашего ювелирного дома, подбирала редчайший трехкаратный бриллиант огранки «Ашер» для нового кольца.

Альбина брезгливо поморщилась, стряхивая капли дождя со своего безупречного пальто, и сделала шаг внутрь пекарни, оглядывая скромный интерьер с явным недоумением. Она искала глазами продавца.

Её взгляд скользнул по деревянным полкам с хлебом, по кассовому планшету и, наконец, остановился на мне.

Я стояла за стойкой в грубом, сером холщовом фартуке, испачканном белой мукой на животе. Мои волосы были наспех собраны в небрежный пучок, лицо блестело от жара печей, а на ногах красовались грязные, измятые замшевые шпильки.

Альбина замерла. Её холеные, идеально выщипанные брови взлетели вверх, а глаза округлились от дикого, неподдельного шока. Она сделала еще один шаг вперед, всматриваясь в мое лицо, словно не верила собственным глазам.

— Катя?! — её голос, обычно такой жеманный и тихий, прозвучал под сводами пекарни как гром среди ясного неба. — Господи... Катя, это действительно ты?! Что ты здесь делаешь в этом... фартуке?

Глава 8. Маски сброшены

Тишина в пекарне стала плотной, как застывший сироп. Воздух, пропитанный ароматом теплой закваски и кардамона, казалось, перестал поступать в легкие.

Альбина стояла посреди скромного питерского полуподвала, не снимая своего безупречного кашемирового пальто, и смотрела на меня широко открытыми глазами. В ее взгляде боролись неверие, брезгливость и то самое жадное любопытство светской хроникерши, которая только что наткнулась на сенсацию года.

Я замерла. Мои пальцы, всё еще сжимавшие деревянные щипцы для хлеба, побелели от напряжения. Внутри меня взметнулась острая, почти физическая волна стыда. Мой грязный фартук. Мои растрепанные волосы. Мои измученные, покрытые серыми разводами туфли. И Альбина — женщина, которая еще недавно спрашивала моего совета по выбору оттенка платины.

— Катя? — повторила она, делая крошечный, неуверенный шаг вперед. — Я не понимаю... Что это за маскарад? Где твоя машина? Почему ты... здесь?

Краем глаза я заметила, как Даниил перестал замешивать тесто. Он медленно вытер руки полотенцем и подошел ближе к стойке, остановившись чуть позади меня. Он не вмешивался, но его присутствие, его спокойная, тяжелая тень за моей спиной почему-то мгновенно отрезвила меня.

Я — Катерина Андреевна. Я не жертва. И я не позволю этой женщине с сумочкой *Dior* превращать меня в объект жалости или насмешек.

Я сделала глубокий, медленный вдох, расправляя плечи. Моя осанка — это единственная броня, которая у меня осталась, и она должна быть безупречной. Я разжала пальцы, откладывая деревянные щипцы, и посмотрела на Альбину тем самым взглядом, которым обычно оценивала качество камней на бирже: вежливо, прохладно и с абсолютным достоинством.

— Добрый день, Альбина, — мой голос прозвучал ровно и мелодично, без единой ноты паники. — Никакого маскарада. Жизнь иногда меняет декорации. Чем я могу тебе помочь? У нас сегодня великолепные миндальные круассаны.

Альбина моргнула, явно сбитая с толку моим спокойствием. Она ожидала истерики, слез или попытки спрятаться под прилавок. Но я стояла перед ней с такой прямой спиной, словно этот полуподвал был моим личным дворцом.

— Катя, ты... ты работаешь продавщицей? В булочной? — её голос дрогнул, а тонко выщипанные брови снова взлетели вверх. — Но Артур сказал, что ты улетела на Мальдивы! На ретрит. Сказал, что ты просто устала от бизнеса и взяла паузу...

«Ретрит на Мальдивах». Конечно. Артур всегда был гениальным лжецом. Зачем признаваться в грязной подставе, если можно создать красивую легенду о переутомившейся жене, которой понадобился отдых у океана? Какая элегантная ложь.

Я почувствовала горькую усмешку, тронувшую мои губы. — Как видишь, Альбина, океан здесь только за окном, в виде питерских луж. А мой ретрит включает в себя муку и кассовый аппарат.

— Но... почему? — Альбина нервно поправила ремешок сумки, её глаза беспокойно бегали по скромному интерьеру пекарни. Ей было явно не по себе. — Что случилось с вашим браком? С компанией? Боже мой, Катя, ты же выглядишь... как беженка!

Это был удар ниже пояса. Точный, женский, беспощадный. Я почувствовала, как к горлу подкатывает комок, но не позволила ни одному мускулу на лице дрогнуть.

— Мой внешний вид соответствует моим нынешним задачам, — отчеканила я, и в моем голосе зазвенел лед. — Если тебя интересуют сплетни, Альбина, то я не даю интервью. Если ты пришла за хлебом, то советую поторопиться. Багеты почти закончились.

Альбина поджала накрашенные губы. Её жалость мгновенно сменилась холодным раздражением. Она не привыкла, чтобы с ней так разговаривали, особенно люди в грязных фартуках.

— Знаешь, Катя, — процедила она, надменно вздернув подбородок. — Я всегда говорила Артуру, что твоя гордость тебя погубит. Ты даже на дне пытаешься строить из себя королеву. Это выглядит жалко.

Она развернулась на каблуках, собираясь уйти, но в этот момент в разговор вмешался Даниил.

— Девушка, — его низкий, рокочущий голос разрезал тишину, заставив Альбину замереть на пороге. — Вы забыли свою покупку.

Альбина медленно повернулась. Даниил стоял за стойкой, вытирая огромные руки чистым полотенцем. Его лицо было непроницаемым, но в серых глазах плескалась холодная, тяжелая сталь.

— Я ничего не покупала, — презрительно бросила Альбина, смерив его взглядом с ног до головы.

— Ошибаетесь, — спокойно возразил Даниил. Он взял со стойки маленький, подсохший сухарь, который обычно лежал там для дегустации, и аккуратно положил его в крафтовый пакет. Затем протянул пакет Альбине. — Это за счет заведения. Отлично помогает от яда на языке. Всего хорошего.

Щеки Альбины вспыхнули некрасивыми красными пятнами. Она задохнулась от возмущения, бросила на нас обоих испепеляющий взгляд, резко толкнула стеклянную дверь и выскочила на улицу. Колокольчик над входом звякнул в последний раз, и в пекарне снова воцарилась тишина.

Я смотрела на дверь, за которой исчезла моя прошлая жизнь. Мои плечи медленно опустились. Идеальная осанка, которую я так отчаянно держала, внезапно стала невыносимо тяжелой. Я прикрыла глаза и оперлась ладонями о деревянную стойку, чувствуя, как мелко дрожат колени.

— Сухарь был лишним, Даниил, — тихо сказала я, не поднимая головы. — Это непрофессионально.

— Профессионально было бы выставить её за дверь еще на первой минуте, — спокойно ответил он, возвращаясь к своему тесту. — Ты отлично держалась, Катя. Я бы так не смог. Я бы точно нагрубил.

Я открыла глаза и посмотрела на него. В его словах не было ни грамма насмешки или снисхождения. Только спокойное, мужское уважение. Это уважение подействовало на меня сильнее любых слов поддержки. Оно заставило меня снова выпрямить спину.

— Спасибо, — искренне произнесла я. — За то, что вмешался.

— Обращайся. Для чего еще нужны боссы-тираны? — он усмехнулся краешком губ. — Рабочий день закончен. Закрывай кассу.

Следующие полчаса мы провели в молчании, приводя пекарню в порядок после сумасшедшего дня. Я протирала стеклянные витрины, Даниил мыл полы и выключал массивные печи. Физическая усталость была такой сильной, что мои мысли стали медленными и вязкими, как остывшая карамель.

Когда всё было закончено, Даниил выключил верхний свет, оставив только мягкую подсветку у витрин. В пекарне стало уютно и тихо. За окном шел мелкий, косой питерский дождь, размывая огни проезжающих машин в желтые пятна.

Даниил подошел к стойке и поставил передо мной большую керамическую кружку с горячим фильтр-кофе. Себе он взял такую же.

— Садись, — он кивнул на высокий барный стул у окна.

Я послушно села, обхватив кружку замерзшими пальцами. Кофе был черным, горьким и невероятно ароматным. Он обжигал горло, прогоняя остатки холода и напряжения. Даниил сел напротив, скрестив руки на груди, и внимательно посмотрел на меня.

— Значит, "Северное сияние"? — негромко спросил он. — Крупная рыба. Я читал про этот ювелирный дом. Считался самым перспективным в Питере.

Я горько усмехнулась, глядя в черную гладь кофе. — Не считался. Он им был. До вчерашнего дня.

— Что произошло, Катя? — его голос звучал мягко, но настойчиво. В нем не было праздного любопытства Альбины. Было желание понять, с чем именно я столкнулась. — Если ты будешь работать у меня, я должен знать, не нагрянет ли сюда завтра полиция или служба безопасности твоего бывшего.

Я сделала еще один глоток кофе, чувствуя, как внутри разливается тепло. Скрывать правду не было смысла. Да и сил притворяться больше не осталось.

— Полиция не нагрянет, Даниил. Ей не за чем. Артур... мой бывший муж и партнер... всё сделал юридически безупречно.

И я рассказала ему всё. Слова лились из меня сплошным потоком, словно прорвало плотину. Я рассказала про фальшивые накладные, про поддельные подписи, про внеплановый аудит, который Артур организовал, чтобы выставить меня мошенницей. Рассказала про заблокированные счета, про переоформленную аренду квартиры и про тот час, который он дал мне на подписание отказа от всего, что я строила своими руками.

Я говорила, не поднимая на него глаз, боясь увидеть в них жалость или недоверие. Но Даниил слушал молча, не перебивая, только его лицо становилось всё жестче и мрачнее с каждой моей фразой.

— Я не подписала бумаги, Даниил, — закончила я, чувствуя, как голос предательски дрожит. — Я сбежала. И теперь у меня нет ничего. Ни денег, ни репутации, ни дома. Я официальный банкрот, против которого готовится уголовное дело.

Тишина в пекарне стала оглушительной. Я сжала кружку так сильно, что пальцы побелели. Я ждала, что он скажет. Ждала, что он назовет меня дурой или попросит уйти, чтобы не ввязываться в проблемы.

Даниил медленно поставил свою кружку на стол. Он наклонился вперед, опираясь локтями о столешницу, и посмотрел мне прямо в глаза.

— Твой бывший — трус и манипулятор, Катя, — произнес он твердо, без тени сомнения. — Он сыграл грязно. Но ты сделала правильно, что не подписала. Пока ты не признала вину — ты не проиграла. Ты просто отступила, чтобы перегруппироваться.

Я удивленно моргнула. — Перегруппироваться? Даниил, у меня в кармане ни копейки. Я живу в комнате с облупившейся лепниной и клопами. Какая перегруппировка?

— Обычная, — Даниил откинулся на спинку стула, и в его глазах снова заплясали знакомые теплые искры. — У тебя есть крыша над головой. У тебя есть работа, которая оплачивается каждый день. У тебя есть голова на плечах, которая, судя по всему, работает как швейцарские часы. А еще у тебя есть характер. Я видел, как ты смотрела на ту дамочку в пальто. Ты не сломалась, Катя. Ты просто устала.

Его слова были простыми, лишенными пафоса, но они прозвучали для меня как спасательный круг. Впервые за эти безумные сутки я почувствовала, что я не одна. Что кто-то видит во мне не жертву, а бойца.

— Завтра суббота, — добавил Даниил, вставая из-за стола. — Покупателей будет в два раза больше. Приходи к восьми. И, ради бога, надень удобную обувь. Я не хочу вызывать тебе скорую из-за лопнувших сосудов на ногах.

Я улыбнулась. Впервые за очень долгое время это была искренняя, легкая улыбка. — Договорились. Спокойной ночи, Даниил.

— Спокойной ночи, Катерина.

Дорога до моей коммуналки на Большой Пушкарской показалась мне не такой мрачной, как вчера. Питерский дождь перешел в мелкую изморось, а воздух пах мокрой листвой и свежестью. В кармане моей толстовки лежали честно заработанные за смену деньги — пять тысяч рублей наличными. Мой первый настоящий заработок в новой жизни.

Я шла, кутаясь в объемную куртку Даниила, и думала о его словах. «Ты не проиграла». В этом была своя жестокая, но честная правда. Артур забрал у меня деньги и статус, но он не смог забрать мой мозг и мою выдержку.

Когда я поднялась на третий этаж и открыла тяжелую дверь коммуналки, меня встретил привычный запах жареного лука и тишина. Соседи уже спали.

Я тихо прошла в свою крошечную комнату, закрыла дверь на хлипкую щеколду и опустилась на скрипучую кровать. Усталость накрыла меня свинцовым одеялом. Ноги гудели так, словно я пробежала марафон, а в голове всё еще стоял запах кардамона.

Я сняла мокрые туфли, морщась от боли в лодыжках. Затем потянулась к своей сумке — дорогой, брендовой *Bottega Veneta*, которая сиротливо стояла у ножки стола. Мне нужно было достать из неё косметичку и остатки крема для рук.

Я запустила руку внутрь, нащупывая знакомый кожаный несессер. Но мои пальцы внезапно скользнули по странному уплотнению в шелковой подкладке.

Я нахмурилась. Моя сумка была безупречной, каждый шов в ней был выверен до миллиметра. Никаких уплотнений там быть не могло.

Я поднесла сумку ближе к тусклому свету старой лампы. На дне, в самом углу, шелковая подкладка была аккуратно, почти незаметно вспорота и зашита заново. Шов был не фабричным. Кто-то сделал это вручную.

Сердце пропустило удар. Холодный липкий пот мгновенно выступил на спине.

Дрожащими пальцами я потянулась к маленьким маникюрным ножницам, которые лежали в косметичке. Я подцепила тонкую нить неровного шва и осторожно распорола ткань.

Внутри, аккуратно завернутый в кусочек черной изоленты, лежал крошечный плоский квадратный предмет. Размером с монету. С маленьким мигающим красным диодом.

Миниатюрный поисковый GPS-трекер.

Я уставилась на этот мигающий красный огонек, и мне показалось, что воздух в комнате мгновенно исчез.

Трекер. В моей сумке. Артур всегда контролировал меня. Он знал расписание моих встреч, проверял чеки, читал корпоративную почту. Но это... это был совершенно новый уровень безумия. Он следил за мной физически.

И вдруг меня осенило с ледяной ясностью. Альбина. Она появилась в пекарне не случайно. Она не могла просто так забрести в полуподвал на Петроградке. Артур отправил её. Он знал, где я. Он видел каждую мою остановку, каждый мой маршрут.

Моя комната в коммуналке. Пекарня Даниила. Мои жалкие попытки спрятаться и выжить. Артур видел всё это на экране своего смартфона. Он не просто выкинул меня на улицу. Он наслаждался моим падением в прямом эфире.

И он знал, где я нахожусь прямо сейчас.

Глава 9. Ночной дозор Петроградки

Маленький красный диод подмигивал мне из распоротой шелковой подкладки *Bottega Veneta*с издевательской регулярностью. Раз в три секунды.

Раз. Два. Три. Вспышка.

Каждая эта вспышка отдавалась пульсирующей болью в висках. Я сидела на скрипучей кровати своей убогой коммуналки, сжимая в окоченевших пальцах маникюрные ножницы, и чувствовала, как к горлу подступает ледяная тошнота.

Трекер. Он вшил мне трекер.

Мой мозг, привыкший анализировать риски и строить графики, сейчас просто отказывался переваривать эту информацию. Одно дело — заблокировать счета и выгнать из дома. Это жестокий, но всё же бизнес-ход. Попытка обанкротить партнера. Но отслеживать мое физическое перемещение с точностью до метра? Сидеть в теплом кабинете на Крестовском, потягивать кофе и смотреть на экран смартфона, наблюдая, как красная точка мечется по Петроградке в поисках ночлега?

Это был уже не бизнес. Это был психологический террор. Извращенная, садистская потребность контролировать жертву даже после того, как он перерезал ей горло.

Меня затрясло. Дрожь началась где-то внутри, в районе солнечного сплетения, и быстро захватила всё тело. Зубы стучали так сильно, что я прикусила губу до солоноватого привкуса крови.

Стены десятиметровой комнаты внезапно показались мне прозрачными. Мне казалось, что прямо сейчас, из темноты питерского двора-колодца, за мной кто-то наблюдает. Что Артур стоит за дверью. Что он везде.

Я не могла здесь оставаться. Не с этой мигающей дрянью в руках.

Судорожно, путаясь в собственных движениях, я сунула трекер в карман джинсов. Схватила с колченогого стула свое помятое кашемировое пальто, влезла в свои испорченные, но уже высохшие замшевые туфли и выскочила в коридор.

Тяжелая дубовая дверь коммуналки хлопнула за моей спиной с пугающим грохотом, но мне было плевать на спящих соседей. Я сбежала по темной лестнице, перепрыгивая через ступеньки, едва не сломав каблук на выщербленном кафеле первого этажа.

Вырвавшись на улицу, я жадно вдохнула холодный, пахнущий мокрым асфальтом и бензином ночной воздух. Большой проспект был пуст. Желтые фонари отражались в глубоких черных лужах, превращая мостовую в жидкое зеркало.

Я бежала. Я не помню, как преодолела эти несколько кварталов до пекарни. Ветер бил в лицо, швыряя в глаза ледяную водяную пыль, но я не чувствовала холода. Меня гнал первобытный, животный страх.

Когда я свернула в нужный двор и спустилась по каменным ступеням в полуподвал, мои легкие горели огнем. Внутри пекарни горел только дежурный свет над производственными столами. Дверь была заперта.

Я забарабанила по стеклу ладонями. — Даниил! — мой голос сорвался на хрип. — Даниил, пожалуйста!

Тень в глубине помещения дрогнула. Через секунду в коридоре показалась высокая фигура. Даниил был в черной футболке, его руки по локоть блестели от воды — видимо, он мыл инвентарь. Он быстро подошел к двери, повернул ключ и распахнул её.

— Катя? — его брови сошлись на переносице. Взгляд мгновенно просканировал мое побелевшее лицо, растрепанные волосы и судорожно вздымающуюся грудь. — Какого черта ты бегаешь по ночам? Что стряслось? Кто-то обидел?

Я переступила порог, и только оказавшись в спасительном тепле пекарни, пахнущей хлебом и безопасностью, позволила себе выдохнуть. Мои колени подогнулись, и я бы сползла по дверному косяку, если бы Даниил не подхватил меня за локоть. Его хватка была железной, но удивительно бережной.

— Он знает, где я, — прошептала я, с трудом ворочая пересохшим языком. — Даниил... он всё знает. Альбина пришла не случайно.

Я засунула трясущуюся руку в карман джинсов, достала маленький квадратик, замотанный в черную изоленту, и положила его на деревянную стойку.

Красный диод издевательски подмигнул нам обоим.

Даниил отпустил мой локоть и наклонился над стойкой, разглядывая предмет. На его лице не дрогнул ни один мускул. Никакого удивления, никаких охов или паники. Только холодная, свинцовая сосредоточенность.

— GPS-маячок, — констатировал он ровным, низким голосом. — Автономный. Заряда хватает на месяц. Где нашла?

— В подкладке сумки. Вшил. Вручную, — я обхватила себя руками за плечи, пытаясь унять дрожь. — Он смотрел, Даниил. Он смотрел, как я скиталась под дождем. Как пришла к тебе. Он видел всё. Это... это какое-то безумие.

Даниил молча взял трекер своими огромными пальцами. Он повертел его в руках, глядя на мигающий огонек. В его серых глазах мелькнуло что-то очень жесткое и опасное. То самое выражение, которое я видела сегодня днем, когда он протягивал Альбине сухарь.

В этот момент с улицы, сквозь приоткрытое окно под потолком, донесся тяжелый, натужный гул мотора. Обычный ночной звук Питера — мусоровоз медленно полз по узким дворам, очищая пухто.

Даниил перевел взгляд с трекера на окно. Уголок его губ дрогнул в кривой, хищной усмешке.

— Значит, любит наблюдать, — тихо произнес он. — Ну, пусть понаблюдает. Пошли.

Он обошел стойку, взял меня за плечо и вывел обратно на улицу.

Мусоровоз как раз остановился у соседней арки. Огромная оранжевая махина гудела, рабочий в светоотражающем жилете цеплял пластиковый контейнер к гидравлическому подъемнику.

Даниил подошел прямо к кузову. Он размахнулся и с силой, точно бейсбольный мяч, швырнул мигающий квадрат в самую глубину прессовочного бункера, прямо в месиво из разорванных пакетов и отходов.

— Эй, мужик, ты чего кидаешься? — вяло возмутился рабочий, дергая рычаг.

— Извините. Мусор выкинул. Слишком токсичный, — спокойно ответил Даниил.

Механизм с лязгом пришел в движение. Металлическая плита опустилась, с хрустом сминая содержимое бункера. Красный огонек исчез в недрах машины навсегда.

Даниил повернулся ко мне и отряхнул руки, словно действительно только что выбросил грязный пакет.

— Всё, Катерина, — он посмотрел мне прямо в глаза, и его спокойствие подействовало на меня как мощная анестезия. — Твой бывший муж теперь будет отслеживать маршруты городских свалок в Ленинградской области. Можешь пожелать ему увлекательного путешествия.

Я представила лицо Артура, который пялится в экран телефона, наблюдая, как моя «геолокация» покидает город со скоростью шестьдесят километров в час и едет на полигон твердых бытовых отходов. Истерический смешок вырвался из моего горла. За ним второй. А потом я прижала ладони к лицу, чувствуя, как по щекам текут горячие, злые слезы облегчения.

— Эй, ну ты чего, — голос Даниила смягчился.

Он подошел ближе и неуклюже, но очень надежно накрыл мои вздрагивающие плечи своими большими ладонями. От него пахло свежим ветром, мукой и чем-то неуловимо мужским, терпким.

— Прости, — я вытерла лицо тыльной стороной ладони, стараясь взять себя в руки. — Просто... я никогда не чувствовала себя такой уязвимой. Я привыкла всё контролировать. Всю свою жизнь. А теперь я даже не знаю, безопасна ли моя собственная сумка.

— Твоя потребность всё контролировать — это просто попытка защититься от боли, Катя, — тихо сказал он, убирая руки с моих плеч. — Но ты не можешь контролировать чужое безумие. Ты можешь только фильтровать людей вокруг себя. Пошли внутрь. Выпьешь воды, и я провожу тебя до дома.

— Я дойду сама, тут недалеко... — по привычке начала сопротивляться я.

— Я не спрашивал, далеко ли тут, — отрезал он, открывая дверь пекарни. — Я сказал: я провожу тебя до дома. Возражения не принимаются. Я не отпущу тебя одну в таком состоянии на ночные улицы.

Через десять минут мы вышли из пекарни. Даниил закрыл дверь на два тяжелых замка, накинул капюшон своей куртки и кивнул мне: — Веди.

Питер ночью — это отдельное измерение. В отличие от Москвы, которая никогда не спит, Петроградская сторона умеет погружаться в глухую, почти осязаемую тишину. Мы шли не по проспектам, а через проходные дворы — эти бесконечные каменные лабиринты, соединенные темными арками, исписанными граффити.

Я шла рядом с Даниилом, едва поспевая за его широким, размеренным шагом. Его присутствие рядом, его массивная фигура, заслоняющая меня от ледяного ветра с Невы, действовали магнетически. Я впервые за очень долгое время поймала себя на мысли, что мне не нужно идти впереди. Мне не нужно проверять дорогу, сканировать тени или просчитывать маршрут. Мне было абсолютно, кристально безопасно.

— Как ты думаешь, зачем он это сделал? — тихо спросила я, нарушив тишину, когда мы проходили мимо детской площадки, скрипящей качелями на ветру. — Ему мало было выгнать меня?

Даниил сунул руки в карманы куртки и пожал плечами. — Нарциссы не умеют отпускать, Катя. Для него ты — не человек. Ты ресурс. Функция. А еще — его главная победа и его главный комплекс. Он забрал твой бизнес, но ему этого мало. Ему нужно видеть, как ты ползаешь. Это дает ему иллюзию собственного величия.

— Звучит как диагноз.

— Это он и есть, — Даниил покосился на меня. — Ты создавала идеальный продукт. А он создавал идеальную иллюзию себя. Столкнувшись с реальностью, такие люди начинают играть грязно, потому что по-честному играть не умеют.

Его слова били в самую суть. Без сложных психологических терминов, без попыток меня пожалеть. Он просто называл вещи своими именами. И эта кристальная честность заземляла меня лучше любой терапии.

— Мы пришли, — сказала я, когда мы свернули на Большую Пушкарскую.

Впереди показался фасад моего дома — обшарпанный питерский модерн, темный и неприветливый. Чтобы попасть в парадную, нужно было пройти через глубокую кирпичную арку, в которой никогда не горел свет.

Я сделала шаг по направлению к арке, чувствуя, как напряжение прошедшего дня наконец начинает отпускать. Я уже думала о том, как доберусь до скрипучей кровати и провалюсь в сон без сновидений.

— Спасибо тебе, Даниил. За трекер. И за то, что проводил. Я...

Я не успела договорить.

Даниил внезапно остановился, его рука метнулась вперед и жестко легла мне на грудь, останавливая на полушаге.

— Стой, — шепнул он одними губами.

Я замерла, мгновенно перестав дышать.

В глубокой тени кирпичной арки, прямо у входа в мою парадную, кто-то был. Сначала я заметила только тусклый, пульсирующий красный огонек — совсем как на том трекере, но это была зажженная сигарета. Огонек осветил часть лица.

Это был крупный, плотный мужской силуэт. Мужчина стоял, прислонившись плечом к холодной стене, скрестив ноги, и абсолютно неподвижно смотрел прямо на нас. Он явно ждал. И ждал именно меня.

Артур всё-таки прислал кого-то? Или приехал сам, поняв, что сигнал трекера пропал?

Сердце снова совершило кульбит и рухнуло куда-то в желудок. Паника ледяными когтями впилась в горло.

Силуэт отлепился от стены. Сигарета полетела в лужу, издав тихое шипение. Мужчина сделал медленный, тяжелый шаг из темноты арки прямо навстречу нам.

Даниил чуть сдвинулся, наполовину заслоняя меня собой. Его плечи расправились, руки вышли из карманов и повисли вдоль тела в расслабленной, но абсолютно готовой к броску позиции.

— Доброй ночи, — низко, с угрожающей вежливостью произнес Даниил, глядя на приближающуюся тень. — Вы кого-то ищете?

Глава 10. Профессиональная деформация

Мужчина сделал медленный, тяжелый шаг из темноты арки прямо навстречу нам. Свет уличного фонаря скользнул по его лицу, выхватив глубокие оспины на щеках, насупленные брови и засаленную кожаную куртку.

Мое сердце колотилось где-то в горле, пульс отдавался в висках оглушительным набатом. Я судорожно пыталась вспомнить лица охранников Артура, но этот человек не был похож на лощеную корпоративную безопасность. От него пахло дешевым табаком, сыростью и перегаром.

Даниил чуть сдвинулся, наполовину заслоняя меня собой. Его плечи расправились, руки вышли из карманов и повисли вдоль тела в расслабленной, но абсолютно готовой к броску позиции.

— Доброй ночи, — низко, с угрожающей вежливостью произнес Даниил. — Вы кого-то ищете?

Мужчина сплюнул в лужу и перевел мутный взгляд с Даниила на меня.

— Тебя Катериной звать? Которая сегодня к тете Клаве заехала? — голос у него был сиплый, прокуренный.

Я моргнула, чувствуя, как ледяная паника внезапно сменяется полным, абсурдным недоумением. — Клавдия Петровна? Хозяйка комнаты?

— Она самая, — хмыкнул мужик, засовывая руки глубоко в карманы куртки. — Я племянник её, Вадик. Тетка мне звонила час назад, вся на нервах. Говорит, пустила девку какую-то мутную. С чемоданом дорогим, а денег нет, одни обещания. В общем так, красавица. Либо ты прямо сейчас выкладываешь оставшиеся одиннадцать тысяч залога, либо топаешь на улицу. Мы тут благотворительностью не занимаемся.

Воздух со свистом вырвался из моих легких. Это был не Артур. Это был не его наемник. Это был просто Вадик. Мелкий питерский вымогатель, решивший потрясти «мутную девку» на ночь глядя.

Облегчение длилось ровно секунду. А затем меня накрыло жгучей, невыносимой волной стыда.

Я — Катерина Андреевна. Женщина, которая оперировала бюджетами в сотни миллионов рублей. Я стояла в грязной питерской подворотне, и какой-то Вадик в засаленной куртке вышвыривал меня на улицу из-за жалких одиннадцати тысяч.

— Мы договаривались с Клавдией Петровной на неделю отсрочки, — я попыталась выпрямить спину, вложив в голос весь свой корпоративный лед. — Мои карты временно заблокированы. Я отдам деньги в пятницу. У нас был устный договор.

— В суде свой устный договор будешь показывать, — осклабился Вадик. — Бабки гони или давай, чемодан в зубы и на выход.

Я открыла рот, чтобы ответить, чтобы попытаться выиграть время, как делала это на самых жестких переговорах, но меня опередили.

Даниил молча полез во внутренний карман куртки. Он достал оттуда свернутый пополам бумажник, вытащил несколько купюр — судя по всему, выручку из кассы пекарни, которую он забрал с собой, — и отсчитал ровно две пятитысячные и одну тысячную.

— Держи, Вадик, — голос Даниила прозвучал до жути спокойно. Он протянул деньги мужчине. — Одиннадцать тысяч. Залог закрыт. А теперь развернулся и ушел отсюда, пока я не вспомнил, что ты напугал девушку. И тете Клаве передай, чтобы больше не нервничала.

Вадик удивленно уставился на деньги, затем на массивную фигуру Даниила. Инстинкт самосохранения сработал у него моментально. Он сгреб купюры, пробормотал что-то невнятное про «сразу бы так» и, шаркая ботинками, растворился в темноте двора.

Мы остались одни.

Тишина, нарушаемая только шумом ветра, показалась мне оглушительной. Я смотрела в спину Даниила и чувствовала, как внутри меня разгорается темный, колючий гнев. Гнев на себя. На Артура. На весь этот мир, в котором я внезапно стала зависимой.

— Я не просила тебя этого делать, — процедила я, обхватив себя руками за плечи. — Я не нуждаюсь в подачках.

Даниил медленно повернулся. В тусклом свете фонаря его лицо казалось высеченным из камня. — Это не подачка, Катя. Это аванс. Вычту из твоей зарплаты за следующие смены.

— Я бы решила этот вопрос сама! — мой голос сорвался, эхом отразившись от кирпичных стен.

— Как? — он приподнял бровь, и в его глазах не было ни капли насмешки — только суровая констатация факта. — Переночевала бы на скамейке? Или отдала бы ему свое кашемировое пальто в залог? Перестань играть в неуязвимость. Иди спать. Завтра смена.

Он развернулся и зашагал прочь, не оглядываясь.

Я смотрела ему вслед, пока его широкая спина не скрылась за поворотом. Мои щеки горели от унижения. Он спас меня. Снова. И это било по моему самолюбию сильнее любой пощечины. Я так привыкла быть той, кто решает проблемы, той, кто пишет правила и раздает указания, что оказаться в роли спасенной девицы в беде было физически больно.

Поднявшись в свою убогую комнату, я даже не стала зажигать верхний свет. Включила только тусклую настольную лампу с потрескавшимся абажуром. Комната пахла пылью и безнадежностью.

Я должна была вернуть ему долг. Не просто отработать часы на кассе — это слишком долго. Я должна была принести пользу. Доказать, что я стою больше, чем испуганная беженка, за которую нужно платить залог.

Мой мозг, натренированный годами корпоративной работы, мгновенно переключился в режим кризис-менеджмента. Я достала из своего чемодана блокнот Moleskine и ручку.

«Пекарня. Анализ бизнес-процессов».

Я начала писать. Строчки ложились на бумагу ровно, четко, успокаивая мой пульс. Я вспомнила сегодняшний день до мельчайших деталей. Очередь, которая скапливалась из-за медленной упаковки. Хлеб, который Даниил нарезал вручную, тратя драгоценные минуты. Пустующая витрина с круассанами в часы пик.

К трем часам ночи мой план был готов. Четкий, безжалостный, оптимизированный до миллиметра. Я просчитала всё: от введения пакетных предложений «кофе+булочка» до изменения тайминга расстойки теста, чтобы сократить издержки на электричество.

Засыпала я с чувством возвращенного контроля. Катерина Андреевна снова была в игре.

Воскресное утро в пекарне началось чуть спокойнее. Основной поток покупателей ожидался к обеду.

Когда Даниил закончил выставлять утреннюю партию горячих багетов на деревянные полки, я подошла к его рабочему столу. В руках я крепко сжимала свой блокнот.

— Даниил, у меня есть к тебе разговор, — я постаралась придать голосу максимально деловой тон. Тот самый, которым я презентовала стратегии совету директоров.

Он поднял глаза от доски, которую протирал от муки. На нем была черная футболка, подчеркивающая рельеф мышц, и неизменный серый фартук. — Слушаю. Только быстро, у меня замес ржаного через десять минут.

— Это касается твоей бизнес-модели, — я положила блокнот на стол перед ним. — Я проанализировала вчерашнюю смену. У тебя огромный потенциал, но ты теряешь минимум тридцать процентов чистой прибыли из-за неэффективных процессов.

Даниил нахмурился. Его рука с влажной тряпкой замерла в воздухе.

— Продолжай, — тихо сказал он.

Я восприняла это как сигнал к действию. Меня понесло. — Во-первых, ассортимент. Ты тратишь слишком много времени на сложную ферментацию дикой закваски для бородинского. Если мы добавим коммерческие дрожжи, хотя бы десять процентов от массы, мы ускорим процесс вдвое и сможем выдавать две партии в день вместо одной. Это закроет вечерний дефицит на полках.

Я перевернула страницу, указывая на аккуратно начерченный график.

— Во-вторых, ручная нарезка. Это эстетично, но нерентабельно. Нам нужен слайсер. В-третьих, кросс-сейл. Кофе. Ты наливаешь только черный фильтр. Если мы поставим кофемашину и введем капучино на альтернативном молоке, мы поднимем средний чек на двести рублей. И самое главное — стандартизация. Твои круассаны разные. Один чуть больше, другой чуть меньше. Нам нужна жесткая граммовка и замороженные полуфабрикаты на случай пиковых нагрузок...

Я говорила быстро, уверенно, жонглируя терминами «маржинальность», «кассовый разрыв» и «воронка продаж». Я ждала, что он оценит мой мозг. Увидит, что я не обуза.

Но когда я наконец сделала паузу, чтобы перевести дух, в пекарне повисла тяжелая, густая тишина.

Я подняла глаза на Даниила.

Он не смотрел в мой блокнот. Он смотрел на меня. И в его серых глазах, всегда таких спокойных и теплых, сейчас стоял абсолютный, непроницаемый лед.

Он медленно выпрямился. Бросил тряпку на край стола.

— Коммерческие дрожжи? Замороженные полуфабрикаты? — его голос прозвучал очень тихо, но от этого тона у меня мурашки побежали по спине. — Слайсер?

— Это оптимизация, Даниил. Это бизнес. Мы можем увеличить выручку...

— Закрой свой блокнот, Катя, — перебил он меня. В его голосе зазвенела сталь.

Я опешила. Моя рука инстинктивно дернулась к блокноту, но я не успела его забрать.

Даниил пододвинул к себе деревянную корзину, в которой лежал кусок живого, пузырящегося теста. Он аккуратно, почти с нежностью, коснулся его пальцами.

— Ты ничего не поняла, — произнес он, глядя на тесто, а не на меня. — Ты стоишь здесь второй день, но так ничего и не поняла.

— Я понимаю цифры! — моя уязвленная гордость снова подняла голову. — Я понимаю, как сделать так, чтобы ты не считал копейки, отдавая последние деньги моему арендодателю! Я пытаюсь тебе помочь!

— Помочь? — Даниил резко поднял голову. Лед в его глазах вспыхнул темным пламенем. — Ты пытаешься засунуть меня в свою пластиковую коробку. В ту самую коробку, из которой тебя вышвырнул твой бывший муж.

Это был удар под дых. Я отшатнулась, словно он меня ударил.

— Мой хлеб, Катя, — он шагнул ко мне, опираясь огромными ладонями о столешницу. — Это не продукт для кросс-сейла. Это не графики. Дикая закваска требует времени. Она дышит. У нее свой характер. Сегодня она поднимается быстрее из-за влажности за окном, завтра — медленнее. Круассаны разные, потому что их делают руки живого человека, а не штамповочный станок. Люди приходят сюда не за стандартизацией. Они приходят сюда за душой. За тем, чего нет в твоих идеальных супермаркетах и ювелирных бутиках.

Я стояла перед ним, крепко прижимая к груди свой Moleskine, как единственный щит. В горле встал комок.

— Я просто хотела... — мой голос предательски дрогнул. — Я хотела отработать свой долг. Быть полезной.

Даниил тяжело вздохнул. Огонь в его глазах погас, уступив место какой-то глухой усталости.

— Мне не нужны твои бездушные корпоративные таблицы, Катерина. Мой хлеб — живой, у него есть ритм, — он посмотрел мне прямо в глаза, и в его взгляде была непреклонная, жесткая правда. — Не смей перестраивать мою душу под конвейер. Если тебе так невыносимо быть просто человеком за кассой — дверь там.

Он отвернулся от меня, погрузил руки в муку и начал месить тесто. Ритмично, жестко, отгораживаясь от меня невидимой стеной.

Я осталась стоять посреди пекарни с зажатым в руках блокнотом, внезапно осознав, что моя профессиональная броня, которой я так гордилась, здесь не стоит и ломаного гроша.

Глава 11. Шрамы прошлого

Остаток воскресной смены мы провели в звенящей, тяжелой тишине.

Мой идеальный план оптимизации, записанный в дорогой блокнот, лежал на дне сумки, словно улика на месте преступления. Каждый раз, когда я пробивала чек или упаковывала хлеб, я чувствовала на себе взгляд Даниила — не злой, но отстраненный. Мы двигались по тесному пространству пекарни, как два корабля в густом тумане, тщательно избегая столкновений.

К вечеру у меня гудело всё тело. Но физическая усталость была ничто по сравнению с тем, что происходило в моей голове.

Я анализировала свой поступок, препарируя его с безжалостностью хирурга. Зачем я это сделала? Зачем попыталась влезть со своими графиками в место, которое приютило меня, когда я замерзала на улице?

Ответ был горьким и неприглядным. Потому что ночной визит мелкого рэкетира Вадика разбил меня вдребезги. Потому что я почувствовала себя беспомощной, жалкой попрошайкой, за которую нужно платить выкуп. Мой мозг, натренированный управлять многомиллионными бюджетами, инстинктивно попытался вернуть мне чувство значимости единственным знакомым способом — через таблицы, цифры и оптимизацию. Я пыталась «купить» свое право находиться здесь. Доказать, что я не балласт.

Но Даниилу не нужен был кризис-менеджер. Ему нужен был человек. А я так привыкла быть функцией, что забыла, как это делается.

В семь часов вечера я перевернула табличку на двери надписью «Закрыто» на улицу. Опустила жалюзи.

Даниил молча выключил верхний свет, оставив только теплые, янтарные лампы над витриной. Звук работающих печей стих, сменившись мягким гудением остывающего металла.

Я сняла фартук, аккуратно сложила его на стуле и потерла уставшие глаза. — Я закрою кассу и пойду, — тихо сказала я в пустоту полумрака. — Отчет за смену на столе.

Я уже взялась за ручку своей сумки, когда Даниил вышел из производственной зоны. В руках у него были две большие керамические кружки, от которых поднимался густой пар. Пахло яблоками, корицей и бадьяном — терпко, сладко и невероятно уютно.

— Сядь, Катя, — его голос прозвучал низко, бархатисто, разрезая тяжелую тишину дня.

Я замерла, не решаясь обернуться. — Мне правда пора, Даниил. Я сегодня уже достаточно наоптимизировала.

— Сядь, пожалуйста, — повторил он, и в этом не было приказа. Только мягкая, спокойная просьба.

Он поставил кружки на деревянную стойку и выдвинул для меня высокий барный стул. Я неуверенно подошла и опустилась на сиденье. Даниил сел напротив. На нем всё еще была черная футболка, перепачканная мукой, а на мощных предплечьях в тусклом свете отчетливо проступали темные узоры татуировок.

Он молчал несколько долгих секунд, глядя на темную, пряную жидкость в своей кружке.

— Я вспылил сегодня утром. Прости меня, — наконец произнес он, подняв на меня свои серые глаза. В них больше не было льда. — Я был слишком резок. Ты хотела помочь, я это понимаю. Ты действовала так, как привыкла.

Его извинение выбило у меня почву из-под ног. В моем прошлом мире, в мире Артура и стеклянных офисов, никто никогда не извинялся просто так. Извинение считалось проявлением слабости.

— Тебе не за что извиняться, Даниил, — я обхватила горячую кружку заледеневшими пальцами. — Ты был абсолютно прав. Я влезла туда, где ничего не понимаю. Мои таблицы…

это просто защитная реакция. Броня. Когда у тебя отбирают всё, ты судорожно цепляешься за то единственное, что умеешь делать хорошо. Я умею считать деньги и строить системы. Вот и всё.

Я сделала судорожный вдох, чувствуя, как внутри предательски дрожит струна. — Я просто не хотела быть обузой. Не хотела, чтобы ты отдавал свои деньги за мой долг в этой убогой коммуналке. Я хотела быть полезной.

Даниил тяжело вздохнул и потер переносицу. — Ты полезна, Катя. Ты стоишь за кассой так, будто это бутик на Вандомской площади. Люди возвращаются сюда просто для того, чтобы ты им улыбнулась. Не нужно пытаться оплатить свое существование графиками.

Он замолчал, сделал глоток горячего сидра и посмотрел в окно, по которому уже начали барабанить первые капли вечернего питерского дождя.

— Твой блокнот с планом… он сработал для меня как триггер, — медленно начал он. — Ты думаешь, я не знаю, что такое коммерческие дрожжи? Что такое замороженные полуфабрикаты, фудкост, маржинальность и кросс-сейл?

Я удивленно моргнула. — Откуда?

Даниил горько усмехнулся. Он закатал рукав футболки чуть выше, открывая часть плеча. Только сейчас я заметила, что среди абстрактных татуировок на его коже был выбит маленький, очень четкий контур поварского ножа *Santoku*.

— Семь лет назад я не месил тесто в подвале на Петроградке, Катя. Я был бренд-шефом ресторанного холдинга «Аурум». Пятнадцать заведений по всему Питеру. От модных стейкхаусов до премиальной паназии.

Мои глаза округлились. «Аурум» был гигантом. Это была империя, которая перемалывала конкурентов и задавала тренды всему ресторанному рынку города.

— Я отвечал за каждое меню, — его голос стал жестким, почти механическим. — И я был одержим оптимизацией. Точно так же, как ты. Я переводил кухни на конвейер. Я убирал из рецептов сложные соусы, потому что они тормозили выдачу блюд на три минуты. Я заменял фермерские продукты на стандартизированные от крупных поставщиков, чтобы снизить себестоимость на четыре процента. Я рисовал графики. Я выжимал из своих поваров всё, превращая их в роботов у плиты.

Он смотрел прямо на меня, но я видела, что сейчас он снова там — в сверкающих сталью кухнях, где нет места творчеству, а есть только KPI.

— Мы зарабатывали бешеные деньги. У меня был кабинет на Невском, машина с личным водителем и статус гения оптимизации. А потом… — он замолчал, сглотнув.

— Что случилось потом? — тихо спросила я, боясь разрушить эту хрупкую искренность.

— Потом я сломался, — просто ответил Даниил. — В один прекрасный день я пришел на проработку нового сезонного меню. Шеф одного из наших ресторанов приготовил палтуса. Я отрезал кусок, положил в рот… и ничего не почувствовал. Абсолютно ничего. Как будто я жевал мокрый картон. Я попробовал соус — то же самое.

Он усмехнулся краешком губ. — Стрессовая агевзия. Потеря вкуса на нервной почве. Мой организм просто выключил рецепторы, потому что я пичкал его пластиком. Я превратил еду в математику. Я убил душу того, что делал, ради цифр в твоих любимых экселевских таблицах. Я стоял посреди огромной, стерильной кухни, смотрел на свои руки и понимал, что я ненавижу то, во что превратился.

Я слушала его, затаив дыхание. Каждое его слово резонировало внутри меня, отзываясь глухой болью. Я узнавала в его рассказе себя. Себя, доведенную до автоматизма. Себя, проверявшую накладные вместо того, чтобы наслаждаться красотой камней.

— Я уволился в тот же день, — тихо закончил Даниил. — Продал машину, отдал долю в холдинге. Уехал на полгода в глухую деревню под Вологдой. Там жила старая женщина, которая пекла хлеб в настоящей русской печи. Она научила меня выводить закваску. Она показала

мне, что тесто — живое. Оно дышит. Оно чувствует твое настроение, тепло твоих рук. Когда я впервые испек свой собственный тартин и разломил его… вкус вернулся. С первой же крошкой.

Он подался вперед и посмотрел мне в глаза глубоким, пронзительным взглядом. — Поэтому я здесь, Катя. В этом подвале. Я зарабатываю ровно столько, чтобы платить аренду, закупать лучшую муку и жить. И я счастлив. Когда ты сегодня утром начала говорить про слайсеры и замороженные круассаны… передо мной словно встал призрак моего прошлого. Я испугался, что ты принесла этот пластиковый мир сюда.

Комок в горле стал невыносимо плотным. Я протянула руку через стойку и осторожно, кончиками пальцев, коснулась его широкой, горячей ладони, лежащей на дереве. Он не отдернул руку. Наоборот, его пальцы едва заметно дрогнули, откликаясь на мое прикосновение.

— Я никогда больше не принесу сюда таблицы, Даниил, — прошептала я. — Обещаю. Твой хлеб… он спасает. Меня он точно спас.

В полумраке пекарни, под стук дождя по стеклу, между нами рухнула невидимая стена. Моя корпоративная броня рассыпалась в пыль, оставив только меня — уставшую, потерянную женщину, и его — человека, который нашел свою тихую гавань и позволил мне в ней укрыться.

Мы сидели в тишине еще несколько минут, допивая остывающий сидр. Мне впервые за эти безумные дни было по-настоящему спокойно. Не нужно было держать спину. Не нужно было просчитывать риски.

Внезапно тишину разорвал резкий, электронный звук.

Дзинь.

Экран рабочего планшета, стоящего на кассе рядом с нами, вспыхнул белым светом. Пришло уведомление на корпоративную почту пекарни.

Даниил нехотя отстранился, забрал свою руку из-под моих пальцев и потянулся к планшету. — Наверное, кто-то из постоянников делает предзаказ на утро понедельника. Сейчас посмотрю и пойдем по домам.

Он смахнул уведомление, открывая почтовый клиент. Я наблюдала, как его лицо в свете экрана внезапно меняется. Расслабленность исчезла без следа. Складка между бровями стала резкой, а челюсти плотно сжались.

— Ничего себе предзаказ, — глухо произнес он.

— Что там? — я инстинктивно напряглась, чувствуя, как холод возвращается в комнату.

— Запрос на организацию закрытого кейтеринга, — Даниил развернул планшет ко мне. — Семьсот позиций выпечки. Тартины, круассаны, бриоши. Дата — послезавтра. VIP-мероприятие на двести персон. Чек такой, что закроет мою аренду на полгода вперед.

Я пробежала глазами по строчкам на светящемся экране. Мой взгляд скользнул по списку позиций, таймингу доставки, и остановился на самом низу письма. На блоке с подписью заказчика.

Воздух выбило из легких. Черным по белому, идеальным корпоративным шрифтом там значилось:

Заказчик: Ювелирный дом «Северное сияние». Одобрено генеральным директором.

Мои пальцы впились в край деревянной стойки так сильно, что побелели костяшки.

Это был не случайный заказ. Артур не ел хлеб. Артур не заказывал выпечку из маленьких пекарен на свои элитные банкеты — он предпочитал кейтеринг от пятизвездочных отелей.

Он знал, где я. Он знал, что я здесь работаю. Трекер в сумке сделал свое дело. И теперь Артур бросал мне вызов прямо в моем единственном убежище.

Глава 12. В самое логово

Я смотрела на светящийся экран планшета, и буквы сливались в одну черную, пульсирующую линию.

Ювелирный дом «Северное сияние». Одобрено генеральным директором. Артур. Мой бывший муж. Человек, который методично, с холодным расчетом отнял у меня всё, вплоть до любимой кофейной чашки в офисе. И теперь, благодаря крошечному трекеру в подкладке моей сумки, он нашел меня на дне. В подвале, где я пряталась от его безупречного мира.

Он прислал этот заказ не ради хлеба. Он прислал его ради демонстрации власти. Это был психологический выстрел в упор: *«Я знаю, где ты. Я могу купить твое новое пристанище на карманные расходы. Ты нигде не скроешься».*

Даниил тихо выругался сквозь зубы. Его лицо потемнело. Он потянулся к экрану, и его палец завис над красной кнопкой с надписью «Отклонить заказ».

— Стой! — я резко перехватила его запястье.

Его кожа была горячей, а мышцы под моими пальцами напряглись, как стальные тросы. Он непонимающе перевел на меня взгляд.

— Катя, отпусти, — его голос звучал жестко. — Я не собираюсь играть в игры твоего бывшего мужа. Я нажму отказ, и завтра утром мы сменим все замки и выкинем твою сумку с этим чертовым маячком в Неву.

— Нет, Даниил. Подожди. Не нажимай.

Я убрала руку, но встала между ним и кассовой стойкой, загораживая планшет. Мое сердце колотилось где-то в горле, но мозг, годами тренированный на кризисных переговорах, внезапно включился, разогнав панику.

— Если ты откажешься, он победит, — быстро заговорила я, глядя ему прямо в глаза. — Артур именно этого и ждет. Он ждет, что я испугаюсь, забьюсь в угол и попрошу тебя отказать. Он хочет чувствовать себя всемогущим. Хочет знать, что одним письмом заставил нас паниковать.

— Мне плевать, что он хочет чувствовать, — отрезал Даниил. — Это моя пекарня. Моя территория. Я не пущу сюда этот токсичный мусор. Тем более, если это причиняет боль тебе.

От его слов внутри разлилось странное тепло. Меня защищали. Просто так, без условий и подписанных контрактов. Но я должна была довести дело до конца.

— Даниил, послушай меня, — я сделала глубокий вдох. — Ты сам сказал: чек за этот кейтеринг покроет аренду твоего помещения на полгода вперед. Полгода спокойствия! Полгода лучшей муки, новых экспериментов с закваской, свободы от мыслей о кассовых разрывах. Ты готов выбросить эти деньги только из-за уязвленного эго моего бывшего мужа?

Даниил скрестил руки на груди, хмуро глядя на меня. — Ты предлагаешь мне взять деньги у человека, который выставил тебя на улицу?

— Я предлагаю тебе заработать на его высокомерии, — твердо ответила я. — Для ювелирного дома этот заказ — копейки. Статья расходов на PR-мероприятие. А для этой пекарни — стратегический бюджет. Артур думает, что он покупает наше унижение. Но по факту, он просто профинансирует твой бизнес. Мы возьмем его деньги, сделаем безупречную работу и докажем, что его психологические игры на нас не работают.

Даниил молчал. В пекарне было слышно только монотонное гудение холодильников и шум усиливающегося за окном дождя. Он смотрел на меня так внимательно, словно пытался прочитать мои мысли, словно взвешивал мою выдержку.

— Это будет тяжело, Катя, — наконец произнес он, и я поняла, что он сдается. — Семьсот позиций. Выпечка должна быть свежей, значит, готовить нужно прямо перед доставкой. Это ночная смена. Жесткая, физически изматывающая смена на износ.

— Я знаю, что такое дедлайны.

— Нет, ты не знаешь, — он шагнул ближе, нависая надо мной своей широкой фигурой. В его глазах мелькнул профессиональный, почти хищный блеск бренд-шефа. — Ты знаешь, как делегировать дедлайны. А здесь делегировать некому. Если я принимаю этот заказ, я ставлю условие. Одно, но не обсуждаемое.

— Какое? — я невольно выпрямила спину.

— Ты остаешься здесь. На всю ночь. Наденешь фартук, завяжешь волосы и встанешь рядом со мной к столу. Мы будем катать тесто, складывать слои, резать и печь вместе. Если мы берем деньги твоего мужа, мы отрабатываем их в четыре руки. Согласна?

Я посмотрела на свои руки. На маникюр, который еще утром казался идеальным, а теперь местами облупился. На тонкие пальцы, привыкшие к клавиатуре и бриллиантам.

— Согласна, — выдохнула я.

Даниил кивнул. Он протянул руку к планшету, нажал кнопку «Принять заказ» и отправил короткое подтверждение. Жребий был брошен.

К полуночи воскресенья пекарня превратилась в осажденную крепость. За окнами бесновался холодный питерский шторм, ветер швырял горсти воды в стекла подвальных окон, но внутри было тепло, светло и пахло сливочным маслом.

Мы начали с круассанов. Я наивно полагала, что выпечка — это просто смешать муку и воду. Даниил быстро разрушил эту иллюзию.

— Круассан — это геометрия и физика, Катя, — говорил он, стоя у огромной стальной машины с раскаточными валками. — Тридцать процентов успеха — это мука, семьдесят — идеальное сливочное масло и температурный контроль. Если в помещении будет слишком жарко, масло растает и впитается в тесто. Если слишком холодно — масло сломается, крошась внутри, и слоев не выйдет.

Я стояла рядом, затянутая в чистый белый фартук поверх водолазки, с туго собранными на затылке волосами.

Даниил вытащил из холодильника огромный, идеально ровный пласт сливочного масла — *beurre tourage*, как он его назвал, — и положил его в центр раскатанного прямоугольника холодного теста.

— Закрывай, — скомандовал он.

Я послушно завернула края теста, пряча масло внутрь, как драгоценный камень в оправу. — Это похоже на работу ювелира, — заметила я, завороженно наблюдая, как он пропускает получившийся конверт через валки машины. Пласт становился всё тоньше и длиннее. — Там тоже всё решает температура плавления металла и точность огранки. Чуть перегрел горелку — платина потекла. Чуть дрогнула рука с резцом — бриллиант потерял чистоту.

Даниил бросил на меня короткий взгляд, складывая длинную ленту теста втрое — этот процесс он назвал «турнированием». — Вот видишь. Твой прошлый опыт не так уж бесполезен. Разница лишь в том, что твои бриллианты холодные и вечные. А мой хлеб живет ровно один день. Но в этот день он делает людей счастливее, чем кусок углерода.

Мы работали молча, в каком-то первобытном, трансовом ритме. Раскатать. Сложить. Охладить. Снова раскатать. Мои плечи начали ныть уже ко второму часу ночи. К трем часам у меня отваливалась поясница, а пальцы болели от непривычного напряжения, когда Даниил доверил мне нарезать готовое тесто на идеальные равнобедренные треугольники с помощью специального дискового ножа.

— Ровнее, Катя. Угол должен быть острым, иначе не получится красивого хвостика, — его голос звучал над самым моим ухом. Он направлял мою руку, и от его близости по коже бежали мурашки, которые я списывала на усталость.

К четырем утра в пекарне стало невыносимо жарко. Заработали расстоечные шкафы, где тесто поднималось в условиях стопроцентной влажности, а затем включились огромные подовые печи.

Воздух стал плотным, влажным и тяжелым. Запах плавящегося карамелизованного сахара и сливок заполнял легкие, опьяняя не хуже вина.

Я машинально стерла пот со лба тыльной стороной запястья, чувствуя, как несколько прядей выбились из прически и прилипли к влажной шее. Я дышала тяжело, как после марафона. Мои ноги гудели в рабочих кроссовках Даниила (он заставил меня снять туфли и выдал запасную пару своего старого, огромного размера, чтобы я не убила ноги о кафель).

— Первая партия готова к выпеканию, — крикнул Даниил сквозь шум вытяжки. — Катя, неси противни! Только аккуратно, они тяжелые!

Я подхватила огромный металлический лист, на котором ровными рядами лежали идеальные, пухлые заготовки, смазанные льезоном. Они блестели под лампами, готовые превратиться в золотистое чудо.

Пространство между расстоечным шкафом и открытыми дверцами печей было узким — едва ли метр в ширину. Даниил стоял спиной ко мне, проверяя температуру на электронном табло.

— Иду, — крикнула я, делая шаг вперед с тяжелым противнем.

В этот момент он резко развернулся, чтобы забрать у меня лист. Мы не рассчитали траекторию. Моя нога в огромном кроссовке скользнула по влажному от пара кафелю.

Я ахнула, чувствуя, как теряю равновесие, а тяжелый противень кренится вниз, грозя похоронить на полу результаты наших четырехчасовых трудов.

Даниил среагировал мгновенно. С кошачьей грацией, невероятной для его комплекции, он перехватил противень одной рукой, а второй — крепко обхватил меня за талию, прижимая к себе.

Железный лист с грохотом встал на направляющие. Заготовки даже не шелохнулись. А вот мой мир остановился.

Мы оказались зажаты в узком проходе. С одной стороны — обжигающий жар открытой печи, с другой — холодный металл расстоечного шкафа. А между ними — мы.

Его рука всё еще крепко держала меня за талию. Я чувствовала сквозь тонкую водолазку жар его ладони и каждый рельеф его пальцев. Мои руки инстинктивно уперлись в его грудь — твердую, тяжело вздымающуюся после броска. От него пахло мукой, мужским потом и корицей — первобытный, дикий аромат, который внезапно оказался в тысячу раз привлекательнее любого дорогого парфюма Артура.

Я подняла глаза. Лицо Даниила было в нескольких сантиметрах от моего. Я видела каждую темную ресничку на его глазах, каплю пота, стекающую по виску, и то, как медленно расширяются его зрачки, поглощая радужку.

Дыхание перехватило. В горле пересохло так, словно я сама глотнула раскаленного воздуха из печи.

Мы стояли в неподвижности секунду, две, три. Воздух между нами стал таким густым, что его можно было резать тем самым поварским ножом.

Даниил медленно, словно преодолевая физическое сопротивление, поднял свободную руку. Его взгляд скользнул по моим губам, затем поднялся к щеке.

— Ты вся в муке, стеклянная принцесса, — его голос сорвался, прозвучав как низкий, хриплый шепот.

Он прикоснулся к моему лицу. Подушечка его большого пальца осторожно, почти невесомо провела по моей скуле, стирая белый след. Прикосновение было таким контрастно нежным по сравнению с его грубой, мозолистой кожей, что я невольно закрыла глаза и едва слышно выдохнула, подаваясь навстречу его руке.

Мое сердце стучало так громко, что я боялась, он его услышит. Вся моя корпоративная выучка, вся моя холодность и броня, которую я так тщательно выстраивала на Крестовском острове, плавились прямо сейчас, в этом душном подвале на Петроградке, под взглядом человека, которого я знала всего несколько дней.

Его пальцы задержались на моей щеке. Он смотрел на мои губы. Я видела, как дрогнул его кадык. Расстояние между нами сократилось еще на миллиметр. Меня неудержимо тянуло к нему, к этому жару, к этой надежности.

Громкий, резкий писк таймера печи разорвал тишину, как сирена воздушной тревоги.

Мы оба вздрогнули, словно очнувшись от гипноза. Даниил резко отстранился, убирая руку, и отвернулся к духовке, пряча лицо.

— Время, — хрипло бросил он, хватая плотные огнеупорные рукавицы. — Загружай следующие. Иначе сгорят.

Я судорожно выдохнула, отступая на шаг, и прижала дрожащие руки к пылающим щекам. Ночь только начиналась. И что-то мне подсказывало, что испытание Артуром — это ничто по сравнению с тем испытанием, которое ждет меня рядом с этим мужчиной у раскаленных печей.

Глава 13. Полуночная химия

Писк таймера все еще звенел в ушах, смешиваясь с оглушительным стуком моего собственного сердца.

Это кричала нижняя секция печи, где допекались багеты для утренних покупателей. Наши круассаны, которые мы только что загрузили на верхний ярус, должны были провести там еще минимум пятнадцать минут. Но этот резкий, механический звук сработал безотказно.

Даниил стоял спиной ко мне, натянув толстые огнеупорные рукавицы. Он вытаскивал из раскаленного нутра нижней духовки длинные листы с хлебом. Воздух вокруг него дрожал от жара. Я смотрела на его напряженные плечи, на то, как ходят мышцы под промокшей от пота черной футболкой, и пыталась заставить свои легкие снова работать в нормальном ритме.

Только что, в этом узком проходе, пропахшем карамелью и сливочным маслом, моя идеальная, выверенная вселенная едва не рухнула окончательно. И самое пугающее заключалось в том, что я сама хотела этого крушения. Я хотела, чтобы его губы коснулись моих. Хотела спрятаться за его широкой спиной от всего мира, от судов, от Артура и от собственного страха.

— Вторую партию круассанов ставь в расстойку, Катя, — хрипло, не оборачиваясь, бросил Даниил, сгружая багеты на деревянную полку. Его голос звучал ниже обычного, словно он тоже с трудом справлялся с дыханием. — У нас график.

Это короткое слово — «график» — окончательно вернуло меня в реальность. Да. График. Семьсот позиций для человека, который ждет нашего провала.

Я сглотнула пересохший ком в горле, стерла с щеки остатки муки — там, где секунду назад обжигающе нежно скользнул его палец, — и шагнула к тележке с заготовками.

— Принято, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Давай следующий противень.

Остаток ночи превратился в непрерывный, гипнотический танец у раскаленных печей. Мы больше не сталкивались в проходах. Мы двигались так, словно между нами было натянуто невидимое электрическое поле — чувствуя каждое движение друг друга, предвосхищая шаги, но не допуская ни малейшего физического контакта. Вся та сумасшедшая, вибрирующая химия, которая вспыхнула между нами, теперь уходила в работу.

Я складывала слои, он раскатывал. Я нарезала тесто, он сворачивал идеальные полумесяцы. Я смазывала их льезоном, он отправлял в печь.

— Температура падает, добавь жару на третьей секции! — командовал он сквозь шум вентиляции. — Добавила! Готовь крафтовые коробки, первая сотня остыла! — отзывалась я.

В этой физической, изматывающей гонке было что-то невероятно терапевтическое. Я перестала быть Катериной Андреевной, у которой арестовали счета. Я стала просто винтиком в этом теплом, пахнущем ванилью механизме. Мои руки, привыкшие перебирать бумаги и оценивать чистоту бриллиантов, теперь были по локоть в белой пыли. Ногти, лишенные салонного глянца, болели, а подушечки пальцев саднило от постоянного контакта с горячим металлом противней. Но внутри меня, впервые за эти адские дни, было абсолютно тихо и ясно.

К половине седьмого утра Петербург начал неохотно просыпаться. Сквозь узкие окна под потолком пробился тусклый, серый свет пасмурного рассвета. Дождь на улице стих, оставив после себя лишь монотонную капель с карнизов.

Даниил с глухим стуком поставил на деревянную стойку последнюю, двадцатую по счету картонную коробку. Он тяжело оперся ладонями о край стола и опустил голову. С его волос срывались капли пота.

— Семьсот пятнадцать штук, — выдохнул он, глядя на ровные ряды коробок. — С запасом на брак, которого не случилось.

Я стояла напротив, прислонившись спиной к холодной дверце выключенного расстоечного шкафа. У меня не было сил даже поднять руку. Ноги в огромных чужих кроссовках гудели так, словно я прошла пешком от Москвы до Питера. Белый фартук превратился в абстрактное полотно из пятен масла и муки.

Но когда я посмотрела на плоды нашей ночной битвы, внутри разлилась горячая волна абсолютного, чистого триумфа.

— Мы сделали это, — прошептала я, чувствуя, как на губах сама собой расплывается слабая улыбка. — Артур получит свои идеальные круассаны. Безупречные. Ни единой зацепки для его юристов.

Даниил поднял голову. В утреннем свете его лицо казалось изможденным, под глазами залегли резкие тени, но серые глаза смотрели на меня с такой обжигающей гордостью, что у меня перехватило дыхание.

— Не «мы», Катя, — тихо поправил он. — Без тебя я бы лег на двести пятидесятом. Ты работаешь как машина. Снимаю шляпу.

Он потянулся к полке, снял чистое полотенце и вытер лицо. — Иди умывайся. На столе в подсобке термос с крепким кофе, я заварил час назад. Пей и ложись на мешки. Доставка на мне. Я управлюсь за пару часов, вернусь, и мы закроем пекарню на сегодня. Выходной.

Я отлипла от шкафа и упрямо мотнула головой. — Нет. Я еду с тобой.

Даниил замер с полотенцем в руках. Его брови сурово сошлись на переносице. — Катя, не дури. Ты на ногах уже сутки. У тебя лицо цвета сырого теста.

— Я поеду, Даниил, — мой голос обрел прежнюю, корпоративную сталь. — Это мой бывший муж. Это его территория. Я не могу просто спать на мешках, пока ты везешь этот заказ ему прямо в руки. Я должна видеть, что всё прошло гладко. Что мы закрыли этот контракт.

— Это Каменный остров, Катя, — он шагнул ко мне, и в его голосе зазвучало предупреждение. — Особняки, частная охрана, куча снобов. Твой Артур наверняка будет там, чтобы проконтролировать, как "мелкий пекарь" справляется с его барским заказом. Если он тебя увидит в таком виде... ты понимаешь, что это будет за шоу? Я не хочу, чтобы он снова вытирал об тебя ноги.

— Он не увидит, — я посмотрела ему прямо в глаза, не отступая ни на миллиметр. — Я обещаю. Я не выйду из машины. Буду сидеть на пассажирском сиденье в твоей старой куртке, надвину капюшон. Я просто хочу быть рядом, пока ты сдаешь накладные. Пожалуйста.

Мы смотрели друг на друга несколько долгих секунд. Это была немая дуэль двух очень упрямых людей. Но в итоге Даниил тяжело вздохнул и сдался, бросив полотенце на стол.

— Ладно. Но если ты хотя бы приоткроешь дверь фургона на территории особняка — я лично запру тебя в кузове. Договорились?

— Договорились, — я кивнула, чувствуя невероятное облегчение.

Загрузка заняла еще полчаса. Старый, потрепанный «Форд Транзит» Даниила, пахнущий машинным маслом и ванилью, принял в свое нутро все двадцать коробок.

Я забралась на высокое пассажирское сиденье. В кабине было прохладно, пахло табаком (хотя Даниил при мне никогда не курил) и старым пластиком. Я натянула на себя его черную куртку, которая пахла кардамоном, и утонула в ней, как в защитном коконе.

Даниил сел за руль, повернул ключ зажигания. Двигатель недовольно чихнул, а затем заурчал низким, ровным басом. Мы тронулись с места, выезжая из тесного двора на проспект.

Питер за окном просыпался. Серые, мокрые улицы Петроградки с их обшарпанным модерном медленно сменялись более просторными проспектами. Мы ехали в молчании. Из старенькой магнитолы тихо лился какой-то меланхоличный джаз. Я смотрела на профиль Даниила — сосредоточенный, суровый, с глубокой складкой упрямства возле губ. Его большие руки уверенно лежали на руле. Рядом с ним я чувствовала себя парадоксально спокойной, несмотря на то, куда мы ехали.

Чем ближе мы подъезжали к Каменному острову, тем разительнее менялся пейзаж. Исчезли коммуналки и ларьки с шавермой. Появились вековые дубы, кованые решетки, камеры видеонаблюдения на каждом столбе и глухие высокие заборы, за которыми прятались резиденции тех, кто владел этим городом.

Это был мой бывший мир. Еще неделю назад я ездила по этим дорогам на пассажирском сиденье новенького «Порше», обсуждая с Артуром дивиденды и котировки платины. А сейчас я сидела в пыльном фургоне, с остатками муки на шее и мозолями на пальцах. Но, странное дело — мне не было стыдно. У меня внутри не было того сосущего чувства фальши, которое всегда преследовало меня на этих элитных улицах.

— Подъезжаем, — глухо сказал Даниил, сбавляя скорость. — Натягивай капюшон.

Я послушно накинула плотную черную ткань на голову, скрывая лицо.

Фургон свернул на широкую аллею, вымощенную идеальной брусчаткой, и плавно затормозил перед массивными, черными коваными воротами с золотыми вензелями. За воротами виднелся роскошный исторический особняк, на ступенях которого уже суетились декораторы и флористы.

К нашему фургону неспешно подошел охранник в безупречной черной униформе. Он постучал костяшками пальцев по стеклу Даниила. Тот опустил окно.

— Доставка. Кейтеринг для «Северного сияния», — Даниил протянул охраннику планшет с накладной.

Охранник сверился со своим списком, мазнул равнодушным взглядом по мне (в огромной куртке и капюшоне я сошла за сонного грузчика-подростка) и кивнул в рацию. Тяжелые створки ворот бесшумно поползли в стороны.

— Заезжайте. Разгрузка у служебного входа, справа от лестницы.

Даниил медленно завел фургон на территорию. Шины зашуршали по идеальному гравию. Он припарковал машину ровно там, где указал охранник, выключил двигатель и повернулся ко мне.

— Сиди тихо. Двери заблокированы изнутри. Я быстро сдам коробки администратору, заберу подписанный акт и мы уедем, — его голос был строгим, но глаза смотрели с мягкой тревогой.

— Я поняла, — кивнула я, забираясь глубже в куртку. — Удачи.

Даниил вышел из машины. Хлопнула дверца. Я наблюдала через лобовое стекло, как он обходит фургон, открывает задние двери и начинает доставать наши тяжелые коробки, передавая их подоспевшим официантам. Его движения были четкими, спокойными. Никакой суеты перед "хозяевами жизни".

Я выдохнула, чувствуя, как напряжение медленно отпускает. Всё шло по плану. Еще пятнадцать минут, и мы уедем отсюда с подписанными документами. Артур заплатит за этот банкет, даже не узнав, что его идеальные круассаны были нарезаны моими руками.

Но я забыла главное правило своей прошлой жизни. Артур никогда не пускал важные мероприятия на самотек. Он был помешан на микроконтроле.

Двери парадного входа особняка резко распахнулись.

На крыльцо вышел мужчина. На нем был безупречный, сшитый на заказ темно-синий костюм, белая рубашка без галстука и дорогие итальянские лоферы. Его волосы были идеально уложены, а осанка излучала ледяное превосходство.

Артур.

Мое сердце совершило кульбит и с размаху ударилось о ребра. Дыхание мгновенно перехватило.

Он спустился по ступеням, на ходу отдавая какие-то резкие команды семенящему за ним администратору. Артур был в своей стихии — властный, жесткий, наслаждающийся собственной значимостью.

Он направился прямо к нашему фургону. Даниил в этот момент как раз передавал очередную коробку официанту. Артур подошел вплотную, брезгливо оглядел старый «Форд», затем перевел взгляд на Даниила, оценивая его простую куртку, татуировки на руках и суровое лицо.

Я не слышала их слов сквозь закрытое стекло, но видела, как Артур что-то надменно сказал, скривив губы в своей фирменной снисходительной ухмылке. Он явно пытался указать «мелкому подрядчику» на его место.

Даниил не шелохнулся. Он спокойно вытер руки, взял накладную и протянул её Артуру прямо в лицо, что-то коротко и жестко ответив. Судя по тому, как дернулась щека моего бывшего мужа, ответ ему крайне не понравился.

Артур раздраженно выхватил бумаги. Он размашисто черканул свою подпись, сунул акт обратно Даниилу и брезгливо отвернулся, намереваясь уйти обратно в особняк.

В этот момент его взгляд скользнул по кабине фургона.

Он посмотрел на лобовое стекло.

Я сидела неподвижно, вжавшись в кресло, но капюшон куртки сполз назад, когда я подалась вперед, наблюдая за их перепалкой. Утренний свет, пробивавшийся сквозь облака, упал прямо на мое бледное лицо.

Артур замер.

Его шаг оборвался. Он медленно повернул голову обратно к фургону. Наши взгляды встретились сквозь грязноватое стекло старой машины.

Время остановилось.

Я видела, как расширяются его зрачки. Как на его холеном лице отражается сначала непонимание, затем шок, а потом — медленно расцветает холодная, хищная и абсолютно безжалостная улыбка.

Он узнал меня. Узнал свою бывшую жену, соучредителя многомиллионной компании, которая теперь сидела в грязном фургоне рядом со служебным входом.

Артур медленно сунул руки в карманы брюк, не разрывая зрительного контакта со мной, и сделал шаг по направлению к пассажирской двери.

Глава 14. Прямое столкновение

Время превратилось в густую, вязкую смолу.

Я смотрела сквозь пыльное лобовое стекло старого фургона, как Артур делает первый шаг. Второй. Третий. Его дорогие итальянские лоферы безупречно ступали по идеальному гравию особняка. Он шел ко мне не как рассерженный бывший муж — он приближался с грацией хищника, который неожиданно обнаружил, что загнанная дичь сама приползла к его ногам.

На его лице больше не было шока. Только абсолютное, ледяное торжество и та самая снисходительная улыбка, от которой у меня всегда холодело внутри.

— Закрыть... нужно закрыть... — пробормотала я не своим, сиплым голосом.

Паника, первобытная и слепая, ударила в голову. Я бросилась к пассажирской двери, судорожно нащупывая старый пластиковый штырек блокировки замка. Но мои пальцы, онемевшие от ужаса и многочасовой работы в пекарне, скользили по гладкому пластику. Я попыталась вдавить его вниз, но древний механизм «Форда» предательски заело.

Я дернула штырек еще раз, ломая ноготь. Поздно.

Раздался сухой щелчок. Дверь фургона с протяжным металлическим скрипом распахнулась наружу.

В теплое, пахнущее кардамоном и ванилью нутро кабины мгновенно ворвался ледяной ветер с Малой Невки. И вместе с ним — острый, до боли знакомый запах парфюма *Tom Ford*, смешанный с ароматом дорогого табака и озона. Запах моей прошлой жизни. Запах моего персонального ада.

Артур остановился у открытой дверцы, небрежно опершись одной рукой о раму кабины. Он возвышался надо мной, безупречный в своем сшитом на заказ темно-синем костюме, пока я вжималась в потертое сиденье, утопая в огромной чужой куртке, перепачканной мукой.

— Какая встреча, — его голос звучал бархатисто, тихо и пугающе спокойно. — А я-то думал, куда исчез наш блистательный бренд-директор? Решил, что ты где-нибудь на Бали заливаешь горе просекко. А ты, оказывается, осваиваешь новую карьерную лестницу.

Он театрально обвел взглядом грязный салон фургона, пустые картонные коробки из-под выпечки и, наконец, снова посмотрел на меня. Его серые глаза прошлись по моим наспех собранным волосам, по белым следам муки на шее, по старым кроссовкам Даниила, в которых тонули мои ноги.

— Закрой дверь, Артур, — я попыталась вложить в свои слова хоть каплю твердости, но голос предательски дрогнул.

Он тихо рассмеялся. Этот смех был хуже крика или оскорблений. В нем звучало такое концентрированное презрение, что мне захотелось физически исчезнуть, стереться, раствориться в воздухе.

— Зачем же? — Артур сделал полшага вперед, вторгаясь в мое личное пространство. — Я хочу насладиться моментом. Знаешь, Катя, я всегда знал, что без меня ты — ноль. Что вся твоя корпоративная спесь и идеальная осанка — это просто красивый фасад, который я для тебя построил. Но я даже не предполагал, что ты падешь *так* низко.

— Уйди, — прошептала я, чувствуя, как горло стягивает спазм.

Мой мозг, который еще вчера виртуозно просчитывал бизнес-стратегии, сейчас отключился. Я снова стала той самой женщиной, которая годами пыталась заслужить его одобрение. Токсичная привязанность, выработанная годами психологического давления, сработала как рефлекс. Мое тело оцепенело. Я не могла ни закричать, ни ударить его, ни даже отвести взгляд. Я была парализована его властью.

— Доставщица булок, — Артур медленно, с наслаждением покатал это слово на языке. Он протянул руку и брезгливо подцепил двумя пальцами край огромной черной куртки Даниила на моем плече. — С чужого плеча. Идеальная униформа для прислуги, Катерина. Как символично. Вчера ты позировала фотографам в бриллиантах на три миллиона, а сегодня привезла мне завтрак с черного входа.

Я зажмурилась. Каждое его слово было выверенным ударом скальпеля. Он точно знал, куда бить. Моя гордость, мой профессионализм, моя самооценка — он резал по живому.

— Ты специально сделал этот заказ, чтобы поиздеваться? — выдавила я, открывая глаза. Слезы бессилия жгли веки, но я не позволяла им пролиться. Только не при нем. — Ты забрал всё. Что тебе еще нужно?

— Забрал? — Артур изогнул идеальную бровь. — Я лишь вернул свое. А ты сейчас показываешь свое истинное лицо. Ты неудачница, Катя. Обычная, серая неудачница. И этот грязный фургон — твое реальное место в жизни.

Он наклонился еще ближе. Его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего. Я видела свое бледное, испуганное отражение в его ледяных глазах.

— Скажи мне, — прошептал он с ядовитой, почти интимной усмешкой, — сколько платит тебе этот татуированный маргинал? Хватает на доширак и комнату с клопами? Или ты расплачиваешься с ним натурой прямо на этих мешках с мукой?

Меня словно ударили током. Оцепенение начало трескаться, уступая место жгучей, слепящей ярости. Он мог унижать меня. Мог смеяться над моими кроссовками и падением. Но трогать Даниила, втягивать в свою грязь человека, который спас меня от смерти в питерском подвале...

Я резко подалась вперед, готовая вцепиться в его холеное лицо. Готовая разбить эту идеальную маску.

Но я не успела.

Свет, падавший в кабину сквозь открытую дверь, внезапно померк. Огромная, плотная тень накрыла нас обоих, заслоняя утреннее свинцовое небо.

Артур даже не успел обернуться.

Тяжелая, мощная ладонь, покрытая белой мучной пылью, опустилась на плечо его безупречного темно-синего пиджака. Пальцы сжались так крепко, что я услышала тихий хруст дорогой ткани.

Артур вздрогнул. Его снисходительная улыбка мгновенно стерлась, уступив место недоумению и боли. Он попытался дернуться, сбросить чужую руку, но хватка была железной, мертвой, как капкан.

Даниил вырос за его спиной абсолютно бесшумно.

Я не знаю, как он оказался здесь так быстро. Секунду назад он стоял у задних дверей фургона, подписывая акты с администратором, а сейчас нависал над моим бывшим мужем, как гранитная скала. На фоне Даниила, в его грубых рабочих ботинках, черной футболке, обтягивающей напряженные мышцы, и с испачканным сажей лицом, Артур внезапно показался мне мелким, суетливым и невероятно хрупким.

Даниил не кричал. Не замахивался. В его позе не было суеты уличного драчуна. Была только абсолютная, смертоносная уверенность человека, который знает, как именно он будет ломать кости, если это потребуется.

Он наклонился чуть вперед, оказавшись у самого уха Артура.

— Отойди от машины, — произнес Даниил.

Его голос был тихим. В нем не было ни металла, ни ярости. Только низкая, вибрирующая, свинцовая тяжесть, от которой у меня по спине побежали ледяные мурашки.

Артур замер. Его глаза нервно метнулись в мою сторону, затем он попытался скосить взгляд на Даниила, но хватка на его плече стала только жестче.

— Я сказал: отойди от машины. Сейчас же, — повторил Даниил тем же пугающе ровным тоном.

Артур сглотнул. Инстинкт самосохранения, дремавший под слоями его самовлюбленности, наконец сработал. Он понял, что перед ним не запуганная жена и не вежливый подчиненный. Перед ним мужчина, которому плевать на его статус, его деньги и его костюм за триста тысяч.

— Убери руки, — процедил Артур, пытаясь сохранить остатки достоинства. Его голос дрогнул. — Ты вообще знаешь, с кем...

Даниил не дал ему договорить. Он просто сжал пальцы чуть сильнее и сделал плавное, но безотказное движение рукой назад и в сторону.

Артура отшвырнуло от открытой дверцы фургона так, словно он ничего не весил. Он споткнулся о гравий, едва удержав равновесие, и нелепо взмахнул руками. Вся его выправка «хозяина жизни» испарилась в секунду.

Даниил заступил в образовавшееся пространство, полностью отгораживая меня своей широкой спиной. Он стоял между мной и Артуром, как несокрушимый щит.

Я смотрела на широкие плечи Даниила, на напряженные мышцы его спины под тонкой тканью футболки, и чувствовала, как парализующий страх медленно отступает, растворяясь в ощущении абсолютной, физической безопасности.

Артур одернул полы своего пиджака. Его лицо пошло красными пятнами от бешенства и пережитого унижения. Он обвел бешеным взглядом Даниила, затем попытался заглянуть за его спину, на меня.

— Это не конец, Катерина, — прошипел Артур, отступая на безопасное расстояние. Его глаза сузились, превратившись в две ледяные щели.

Даниил молча, не делая лишних движений, взялся за ручку пассажирской двери и с глухим стуком захлопнул её прямо перед лицом Артура, отрезая его слова.

В кабине снова стало тихо и тепло.

Я сидела, вжавшись в кресло, и мелко, прерывисто дышала. Мои руки тряслись так, что я не могла их спрятать.

Даниил обошел фургон спереди. Я видела через стекло его суровое, сосредоточенное лицо. Он подошел к водительской двери, открыл её и грузно опустился на сиденье. В салоне снова запахло холодом и ветром, но этот запах мгновенно смешался с ароматом свежей выпечки и кардамона.

Даниил не сказал ни слова. Он не стал спрашивать, в порядке ли я, не стал сыпать проклятиями в адрес Артура. Он просто вставил ключ в зажигание. Двигатель старого «Форда» послушно заурчал.

Он включил передачу, и фургон плавно тронулся с места, оставляя позади кованые ворота, идеальный гравий и мужчину в темно-синем костюме, который продолжал смотреть нам вслед.

Я повернула голову и посмотрела на Даниила. Его челюсти были плотно сжаты, а на скулах играли желваки. Большие руки уверенно держали руль.

Моя броня, которую я так долго держала, окончательно дала трещину. Ком в горле стал невыносимым, в носу защипало, и из глаз, против моей воли, покатились горячие, злые слезы. Я закрыла лицо руками, пытаясь сдержать рвущиеся наружу рыдания.

Это был не просто плач. Это выходила вся та боль, весь страх и все унижения последних дней, которые я так старательно заталкивала внутрь.

Даниил не стал меня утешать правильными словами. Он просто снял правую руку с руля, протянул её ко мне и крепко, надежно накрыл мои трясущиеся ладони своей горячей, шершавой рукой.

***

Дорогие читатели!

Большое спасибо, что заглянули в мою историю!

Добавляйте в библиотеку, чтобы не потерять и ставьте звездочку — это очень меня мотивирует :)

Подписывайтесь на меня, так мы точно не потеряемся:

https://litnet.com/shrt/GECv

Глава 15. Ультиматум нарцисса

Его рука была шершавой, горячей и пахла кардамоном.

Я вцепилась в ладонь Даниила так, словно это был единственный трос, удерживающий меня над пропастью. Старый «Форд» мерно раскачивался на питерских ухабах, дворники монотонно смахивали косые капли дождя с лобового стекла, а я плакала.

Я плакала некрасиво, навзрыд, задыхаясь от собственных слез. Вся моя корпоративная выучка, все тренинги по стрессоустойчивости, вся та броня, которую я наращивала на Крестовском острове, сейчас смыв

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.